

КРОМЕШНИК 2

ПО ТУ СТОРОДУ ЗЯРЯ



ТЕРРИ ЛИС

18+

Терри Лис

Кромешник 2. По ту сторону зари

«Автор»

2026

Терри Лис

Кромешник 2. По ту сторону зари / Терри Лис — «Автор», 2026

В столице империи колдунов всё по распорядку: предательство — на завтрак, приговор — к обеду, убийство — на десерт. Советник Норта слышит голос бога, и бог приказывает убивать. В столице упырьего царства раскрывают заговор. Младший брат приносит клятву. Старший готовит переворот и дорого платит за чужую жизнь. В лесах упыри и Псы Иргибы учат сироту выбирать. В подвалах Розы заперта последняя печать. Зло здесь не кричит, а шепчет из-за грани голосами мёртвых трав и шелестом битого стекла.

© Терри Лис, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Книга 2.	5
Часть 1. Оммаж	5
Глава 1. Обеты	5
Глава 2. Младший Адалин	11
Глава 3. Вызов	16
Глава 4. Трэйа Атрамб	22
Глава 5. Послания и посланцы	28
Глава 6. Праздник	33
Глава 7. Кромка	38
Глава 8. Новая игрушка	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Терри Лис

Кромешник 2. По ту сторону зари

Книга 2.

Часть 1. Оммаж



Вершина знаний, мысли цвет, –
таким был университет.
А нынче, волею судеб,
он превращается в вертеп.
Гуляют, бражничают, жрут,
книг сроду в руки не берут,
для шалопая-школяра
ученье – вроде бы игра.
В былые дни такой пострел
всю жизнь над книжками потел,
и обучался он – учти –
до девяноста лет почти.
Ну, а теперь – за десять лет
кончают университет,
и в жизнь выходят потому,
не научившись ничему!
«Доброе, старое время»

поэзия вагантов пер. Л. Гинзбург.



Глава 1. Обеты

Нос зудел невыносимо, будто его щекотало с десятков разозлённых мелких духов, пред-
почитавших любым забавам озорство.

Последствия воображались без особого труда: пошевелиться в золотом чертоге в неположенный момент означало навлечь на себя гнев господина. А вместе с ним – и пристальное внимание оберегателей покоя, неусыпно бдящей на страже благонравия своры убийц. Косые взгляды антрацитовых, лишённых белков глаз впивались в лица цепкими крюками.

Надломленные, выжженные страхом изнутри.

Их обучали «правильному зрению» в Айсэ-Ллад-Ар, восточной башне на скале, одиноко возносящейся в устье Кедрового залива костлявым чёрным пальцем, куда мальчишек приводили робкими щенками, а забирали – черноглазыми статуями без проблеска мягкосердечья.

Оберегатели становились беспристрастны и неумолимы. Слепая ярость хозяина Семи Ветров. «Айсэлы», как их называли за глаза, когда-то были последней надеждой думающих и благородных. А стали – кошмаром и бедой. Ведь Хранители признали власть нового хозяина законной. А значит, и слепая ярость теперь оберегала именно его покой.

Норт Адальхэйн Эрвар о чём-то напряжённо думал. Точёное лицо окаменело, в глазах плясал аквамаринный огонь. Золотой чертог раболепно затаился, благоухая беллемлинской амброй, цибетином и дурным предчувствием. Посланец не смел разогнуть спины, обтянутой узорчатым сукном. И даже колдовской огонь как будто потускнел в ажурных клетках каменных светильников-соцветий.

– Что ж, ладно, – улыбнулся Эрвар и взмахнул изящной, почти женственной рукой. Печатки и перстни пробежали рябью разномастных бликов. – Мне нужны подробности. Мессир Кьявато, мессир Аррамунет, приблизьтесь. Остальных я отпускаю.

Сэтвенты переглянулись. Кьявато поклонился в пояс и наконец позволил себе незаметно сморщить зудевший нос. Облегчения гримаса не принесла, но хоть обсидиановые зенки оберегателей от него отлипли. А в суматохе спешивших прочь вельмож колдун смог незаметно почесаться и сморгнуть невольно выступившие в уголках глаз слёзы. Скорее всего, раздражение вызывал один из ароматов. Или пыль, заносимая с открытых галерей. А может – ядовитые миазмы атанора. Или же предчувствие беды, не покидавшее его с той поры, как Вильфар представил обществу белокурого воспитанника. Такой же пряной, ласковой весной, когда в порт прибывали первые торговые суда, а рощицы поили воздух нежным ароматом первых листьев и распускавшихся цветов. Сколько вёсен минуло с той поры? Тревога многократно оправдалась.

Норт Эрвар тогда глупо улыбался, как и пристало привезённому из чужедальних и не столь богатых стран мальчишке. Невинному отроку, как обозвал его тогда Вильфар, новой Лилии Ллакхара.

Кьявато позволил себе мысленную усмешку. Тот златокудрый отрок смотрел на них холодными, расчётливыми глазами будущего дракона. Идеального властителя, каким не был даже его знаменитый пращур. Каким не стать бы существу с живым и мягким сердцем.

Следовало ещё тогда покинуть Семь Ветров. Ведь он предчувствовал, чем всё обернётся. Мечтал бы ошибиться, но этот взгляд...

– Мессеры.

– Повелитель, – расплылся в сладостном оскале Аррамунет, поспешая через зал. Мантия вилась по полу, мягко шелестели камковые туфли.

– Повелитель, – разогнулся и Кьявато. Оправил затканые шёлком рукава, состроил мину поприличнее.

Норт холодно смотрел перед собой. Гонец не смел пошевелиться. Иных свидетелей, кроме незримо застывших под сводами горных духов, у пантомимы не было. И всё же не следовало расслабляться.

– Оренцио, – позвал Эрвар. И повернулся так внезапно, что застигнутый врасплох Кьявато замер на полпути. – Тебя что-то насторожило? Ты будто чувствуешь беспокойство – всегда морщишь нос. В твоём роду матронам не случалось путаться с кем из Диколесья?

Кьявато принял оскорбление равнодушно. И улыбнулся. Норт тоже «чувял беспокойство» и неизменно замечал всё, что следовало замечать. Только потому тот златокрудый отрок и выжил в Семи Ветрах среди гаррот и ядов, стилетов и отравленных шипов. И глупо было бы корить смышлёного ребенка за то, во что они сами его и превратили.

– Прошу меня простить. Возможно, это реакция на одну из смол.

– Ну да, ну да, – усмехнулся Норт. – Одну из смол. И зовут её Ваа-Лтар.

По стрельчатым аркадам цвета вешних лепестков и пепла сквозняк носил на бархатных крылах обрывки ароматов: колдовских курений, сырого шёлка и цветов. Но ллакхар учуял запах погребальных плащаниц, кассии и мирры. А по узорчатым стенам сороконожками скользнули рубленные знаки.

Оренцио сморгнул и подтянул повыше уголки вдруг онемевших губ:

– Предательство Седьмого Колдуна обескуражило всех нас... – без ведома рассудка откликнулся вышколенный язык. А шея сама собой почтительно согнулась.

«Предательство Седьмого колдуна» – сперва то был лишь суеверный шёпот. Наместник Ставмена пропал где-то на людской равнине. Ушёл сквозь перламутровую дверь перехода, оставив недоигранную партию «четырёх начал», вино в чеканном кубке и недоумевавших слуг. Фигуры сиротливо высились на игровой доске. Ни слуги, ни вино, ни костяные воины Валтара так и не дождались. А наложницы покрыли головы пурпурным полотном и приготовились к дороге в Ас-Ллокхэн, город Жрицы, где примут либо смерть, либо «нежное прикосновение», навсегда закроют лица и посвятят себя служению, гимнам и чадящим алтарям.

Всё это Кьявато знать не следовало. Не раньше дознавателей и оберегателей покоя.

Аррамунет сделал суеверный жест, будто рассеивал сам звук дурного имени. Ваа-Лтар Ваа-Рди, молодой имтилец, наместник Ставмена, обласканный повелителем, отмеченный талантом и, чего греха таить, умом, какой бы следовало прятать.

Кьявато незаметно прикусил губу: Валтар слишком много шлялся по людским долинам, сидел в тавернах, наблюдал и слушал, водил знакомства с теми, кого следовало бы убивать без лишних разговоров. А затеваемое господином одобрял всё меньше. О чем не брезговал упоминать полунамеками во время их совместных игр в «начала» и степенных моционов в Каменном Саду.

– Вы были с ним дружны, – заметил Эрвар, тонко улыбаясь. Яркие глаза жалили, как скорпионий хвост. Раскалывали без труда любые выстроенные вокруг рассудка воображаемые стены.

– Не больше, чем с Вильфаром или Андрэвеем, – мягко отозвался Оренцио. – Мы – сердце твоего Саргана, господин...

Упоминание Андрэвея не делало ему чести – кто знает, чем оно в дальнейшем обернётся... Но так Кьявато надеялся ополовинить чашу гнева Адальхейна.

– Сердце, меня предавшее, – фыркнул Норт. Голубые, цвета полуденного неба над горами, радужки светились. Повелитель будто бы рассматривал картинки кодекса, разложенного на пюпитре. Читал явь, как книгу.

– Лишь Валтар, – заторопился прозорливый Аррамунет. – Но он не истинный ллакхар... Какая глупость.

Кьявато мысленно вздохнул: все они не раз смешали кровь. И редкий род мог похвалиться чистотой. Наследники Эрвара Лилии, чьим именем проложил дорогу к трону господин, происходили от побочной ветви. Младший сын второй жены ллакхарского царя чудом пережил резню, был спрятан слугами и принят в доме Адальхейн, как равный. Кем была та вздорная наложница, что отравила первую жену, Кьявато тоже предпочёл сейчас не вспоминать. В присутствии наследника то знание грозило шибеницей и углями.

– Он из морского люда, – Вильфар развёл руками в широких, вычурно расшитых рукавах кафтана. – В их жилах вместо крови – солёная вода, – Эрвар только усмехнулся. – И это слёзы

тех, кого они предали, – старый колдун печально улыбался, глубокомысленно качая головой. – Такой народ. И такова их суть. А честь, оказанная...

– Вильфар, я в нём ошибся, – перебил Норт без выражения. – Меня это... удручает. А в удручении, ты знаешь, я не могу владеть собой. – Лазурные глаза блеснули. Угроза вплела свой тонкий перезвон в прохладный шелест ветра, игравшего с шёлковым убранством галерей. – Потому, молю, предвосхищая бурю, найди мне всех причастных. Всех, кто знал и не донёс.

Сквозняк усилился, забился змеями в соломе на полу, согнал воронками рассыпанные лепестки. Гнев Эрвара крюками проникал под кожу.

Кьявато молча паялился в пространство. В каком-то смысле, под описание подходил и он сам.

– Я хочу увидеть их покаяние. Увидеть и лично убедиться в нём, – добавил тихо Норт. – Светлый Князь свидетель, я слишком сильно доверял Седьмому Колдуну. Такого впредь не повторится. Любой, задумавший предать меня, обязан горько пожалеть и послужить уроком. Всех импильцев следует проверить, – распоряжения звенели, точно наконечники плюмбат о панцири пехоты. – Или мореходы позабыли о наследнике старшей княжеской династии Ваа-Дан? Стоит им напомнить?

– Возможно позже, – проронил Кьявато, уже размышлявший, как вернуть с равнины отправленного с Рыжим колдуна. – Заложник пригодится нам. Убить его мы всегда успеем. Ведь он присягнул Семи Ветрам.

– Валтар тоже, – заметил мрачно Адальхейн. – Рассказать, в каких словах он отрекался от обета?

Оренцио сглотнул засевшую за кадыком колючку. «Отрекался от обета». Запертые словами клятвы силы тысячью отравленных ножей вспороли бы несчастному глупцу трахею, разорвали тело изнутри, призвали духов-обережников от Кромки. И навек запечатали мятежника в сыром безмолвии за явью. Зачем обрёк себя на эту муку Валтар, Кьявато до сих пор не понимал.

– Но... для чего? – Аррамунет невзначай озвучил незаданный вопрос.

Для чего? Зачем Ваа-Лтар, блестящий кавалер, учёный муж, поднявшийся так высоко, решил так глупо от всего отречься? К тому же, прямо перед смертью. Милость и благодать Светлого Владыки оберегала избранный народ и после гибели брэнной оболочки. Без них души колдунов за Кромкой преследовали и пытали слуги Тёмного.

– Ты задаёшь неправильные вопросы, Вильфар, – отмахнулся чуждый сантиментам Адальхейн. – Сейчас важнее то, ради кого. Проклятое навье, предлагатай, один из тех, которых я велел вам изловить! Кьявато!

– Да, мессир, – Оренцио склонился в выученном поклоне.

– Выясни, что узнал и понял этот кровосос.

В город они въехали уже затемно. Так что Мирко, свернувшийся калачиком в телеге под рогожей, скорее догадался, чем доглядел. По звуку, запаху и, видимо, «вещему дару», в который, чем дальше, тем больше верил. Неспроста же этот страшный глазастый колдун с серьгами говорил ему все эти злые вещи.

После свары на лесном привале, когда могучий, испятнанный узорами Горазд так выразительно метнул топор в страхолюда, мальчишку больше не трогали и не допытывали. А дударь ещё и подкармливал вымоченными в чем-то пряном и терпком лепёшками. Мирко, чуя хмель, боялся отказаться. Но настойка обладала-таки целительными силами, а не только пьянила. Лихорадка отступала, забирала с собой трясучку и слабость, но вероломно оставляла нетронутыми жуткие воспоминания и полынную горечь утраты, пустоты гулкой и страшной. Как брошенный овин. Как развалившаяся меленка вверх по Чудинке. Рассевшаяся, обветшавшая, облюбованная летучими мышами и кромешниками.

Такой меленкой чувствовал себя Мирко. Кусал обветренные губы, пытался заслониться рогожкой от злых воспоминаний и тягучих снов, где безглазая Ладка сонно шаталась по краю кулиги в белом саване, мелодично звала мальчонку по имени и выплетала звуки колыбельной. А вокруг починка¹ вместо леса частоколом стояли увенчанные чёрными, обугленными телами колья.

Мирко неизменно просыпался, давясь слезами и беззвучным воплем, взбивал ногами несчастную рогожку и прикусывал ладонь, чтобы не скулить.

Шмыгнув носом, мальчик подполз к прорехе в крашенине и оглядел сумрачную окрестность. Тревожный факельный свет, всюду сопровождавший их обоз, пятнал рыжими сполохами заскорузлые лица, высверкивал по кромкам не слишком тщательно схороненного вооружения. Выжлецы не привыкли прятаться или скромничать, это Пашенок – так его называли страхолюда с шилом и парни помоложе – понял сразу. Да и чего бояться таким, как они? Словно в подтверждение, мужики, сидевшие тут же под боком, затянули очередной похабный куплет. Мирко, на хуторе такого и от хмельных работников не слыхавший, лишь снова шмыгнул носом.

Снаружи Вадан придержал коня и ехал вровень с облучком, слегка откидываясь на высоком седле. Колдун о чём-то негромко переговаривался с правящим лошадыми Гораздом. Обычно телегой управлял Блажен – свирепый страхолюда кобыл любил куда больше, чем всех спутников, вместе взятых – или дударь, но сейчас оба сидели под крашениной. Жуткий Блажен, хвала Кудели, под второй, обозной, где отряд хранил харчи с излишками вооружения. Одноглазый, чем дальше, тем сильнее пугал мальчонку. Чего стоило хотя бы обещание пустить его «шкурку» на рукавицы к шубе, которую страхолюда упрямо ладил из пойманных белок. Мирко, с лёгкостью поверив, хоронился от мужика как можно дальше.

Наибольшее доверие вызывал «глазастый дрын» Вальфэ, несмотря на демонстрируемое оным равнодушие. Помощник старшего колдуна, скуластый мореход с ледяным взглядом, предпочитал одиночество: держался в стороне как от пьянствующих выжлецов – «славные хлопцы» в основном кидали кости и вяло переругивались – так и от благодушного рыжебородого Линтвара. Мирко обычно на привале сидел под боком у весёлого Милека-дударя и нет-нет, да косился на белоглазого. Вадан будто кожей чувал: неизменно поднимал раскосые глаза, отчего мальчишке становилось одновременно до мурашек жутко и благостно покойно. Если кто и мог защитить от упырей и мороков, стороживших сквозь Кромку, то только этот долговязый.

Вот и сейчас колдун без труда угадал направление, в упор посмотрел прямо на узкую прореху укрывавшего телегу крашеного полога, под которым затаил дыхание Мирко. Массивные серьги привычно блестели в ржавой рыжине чадивших факелов. Тени углубили и без того отчётливый рельеф сурового лица. Мальчик против воли удержал дыхание, воровато отстранился, утёр ладонью холодный нос. Дремлющий тут же Дуда, в очередной раз покачнувшись, когда телегу затрясло по разбитым камням мостовой, проснулся и поднял голову.

– Уже Гатинец? – спросил он сонно, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Ворготай, застава, – откликнулся Элько.

Ладный молодец в расшитой по вороту рубахе и портах цвета вешнего пригорка как раз швырнул на расстеленный между игроками рушник кости. Неодобрительно крякнул, огорченный результатом, и принялся разминать плечи.

– В Гатинец Рыжий, поди, Вадана пошлёт. А то и сам смотается. Невместно ему рожу наши перед комитом² казать. – Элько сплюнул на сторону, скривил чистенькое, почти девичье лицо. В отличие от остальных, его-то рожа для подобных okazji вполне годилась. Вот только вряд ли кто-то рискнул бы ему об этом намекнуть.

¹ расчищенное под пашню место в лесу

² В значении «знатный человек», «староста».

Мирко быстро догадался, чем пахнет дело: он хорошо запомнил слова долговязого. Потому, осторожно пробравшись вдоль самого борта телеги, затаился у свёрнутых тюками одеял, готовый что-то предпринять. Что именно, он пока не придумал.

Что такое «застава», мальчик не знал, и принял камнем убранный дорогу за признак города, как и рассказывал прежде Малой Домаш о Сердаграде и столичной службе.

Телега остановилась.

Мирко услышал фыркание лошадей, сдержанную брань и скрежет металла. Как, переговариваясь, спешиваются верховые, Вадан с Линтваром. Вальфэ говорил негромко, с привычной сдержанностью. Рыжебородый, напротив, клокотал жизнерадостным, густым баском, побряхтывал и беспрестанно усмехался. Эдак держался стрьев³ кум Радевой, двужилый и могучий, с пузом бочкой, бычьей шеей и такими же повадками, когда заезжал в Овражки погостить на праздники или вез товар на ярманку мимо их хутора. И Мирко знал, что означает такое поведение. Радек-Матица как-то раз в одиночку, выскирем⁴, тут же из земли вывороченным, раскидал навалившихся на него в дороге обдиральщиков, приметивших гружёную телегу без охраны на лесном перегоне. Рагва, мальчик даже не сомневался, обошёл бы и без выскиря.

Мирко затаил дыхание, прислушался к густому, точно мёд, ровному говору колдуна. Тревожные мурашки побежали по загривку.

– Добро, Вадан. Так и поступим. Возьмёшь его на седло.

– Хорошо, – негромко согласился долговязый, чем-то позвякивая. – Кто теперь в Гатинце сидит?

– Хромого после Сауня⁵ холерина свалила. Так Эрвар эмиссара нового послал. Яцек Ловаль, кажется, – пророкотал Линтвар с едва различимым недовольством. – Очередной «отпрыск»... – Вальфэ ограничился хмыканьем. – Ловаль! Подумать только. Витусь, почитай, и не вылезит из Станбергваэра, на мягких перинах да в камзолах камковых наливками потчует. А все герой, будто сам-на-сам с тем Дитмаром воюет.

– Казуист, – мореход говорил равнодушно, ничуть досадливым рассказом не тронутый.

– Казуист, – со вздохом согласился Рыжий. И, судя по голосу, даже повеселел. – Сюда б его, с реальными упырями казуистику свою применять.

– Не работает с ними это, – ответствовал степенно Вадан. И Мирко поверил, хотя понятия не имел, что значит странное слово. – Сам знаешь.

– Знаю.

– А с князьями да комитами – очень даже.

– Очень даже, – вновь усмехнулся Линтвар, явно беседой развлечённый. – И то ведомо.

– Хоть разницы промеж ними с птичий хер.

Судя по голосу, долговязый и не думал шутить. Но Рагва рассмеялся и даже по плечу помощника хлопнул от удовольствия.

– Бери мальчишку, и едем, – распорядился он с хохотком. – Может, поспеем к воротам, допрежь того, как караул упьётся.

Крашенина дёрнулась. Мирко, не успевший схорониться за одеялами, охнул и свалился через борт прямо под руку белоглазому. Вадан ловко ухватил мальчишку за шиворот, рывком вытянул наружу и беззлобно, но чувствительно встряхнул.

– Наслушался, шинора⁶? – от едва различимого стылого шёпота мальчик испуганно съёжился. Но вместо ожидаемой оплеухи колдун только слегка мазнул ладонью по волосам, будто пригладил. – Сопи потише, когда подслушиваешь.

³ Стрый – дядя, брат отца.

⁴ Выскирь – ветровальное дерево, вывороченное из почвы с корнем, на котором находится кусок отодранного дерна

⁵ Он же Совнь. Праздник окончания уборки урожая, одна из сакральных дат.

⁶ Проньра.

Глава 2. Младший Адалин

Он уехал один.

Радимир проснулся поутру, обнаружил краткое напутствие, намаранное беглым почерком брата на куске пергамента, и, ещё не прочитав, догадался. Хотя до самого конца не верил, что Данимир мог так поступить.

Сам отрок предстоящей церемонии страшился до икоты, но ждал с замиранием сердца.

Радимир упал обратно на сундук. Брат обещал, всегда говорил, в очередной раз оправдывая своё отсутствие, что уж Гоминиум-то не пропустит. Палаты выстыли насквозь, аж зубы клацали, да иней по железкам проступил, но младший Адалин лишь плотнее сдвинул брови и завернулся в покрывало. Без счёту Громников, Совней и Щедрых Вечеров, Потешниц и Складных Седмиц, Бовтуней⁷ и Королевских именин, а уж его собственных... Радимир мог по костяшкам одной руки пересчитать, когда встречал их с братом.

В детстве Ойон утешал пробежавшегося по покоям и вопреки всем загаданным желаниям родни не обнаружившего мальчишку пирогами и присказками, устраивал потешные поединки егерей и подсовывал безделушки: резных коников, деревянных рыцарей и маленьких драконов. Мейнарт читал назидания и тайком сочувствовал. Его сурового, но благодушного участия теперь сильно не хватало. Потом, в Стударме, уже после смерти отца, вокруг галдели буйные дружки, неотлучный Гира, рассудительный Визэнд. Данимир чаще присылал с кем-то из своих товарищей – мрачных гвардейцев ему под стать, на все вопросы только хмуро что-то бормотавших – диковинные гостинцы. И диковины те незамедлительно превращались в предмет неизбывной зависти Биртагира и потаённого, почти хищного любопытства прочих студиозусов. Но Радимир всем им предпочёл бы общество брата.

А тот и теперь вместо себя оставил резные побрякушки, а сам сбежал в ночи, как тать, даже толком не попрощался.

Радимир несколько раз усиленно моргнул, поглядывая то за окно, то снова на коленки, где теперь покоился огрызок свитка.

«Не страшно, – напутствовал он мысленно с нажимом. – То служба. Данимир – гвардеец, верный слуга государыни. И если князепосланной угодно отослать его в ночи, он обязан ей повиноваться. Пусть даже... Пусть даже я...»

Отрок ни на миг не сомневался, что между долгом перед Её Величеством и личными делами брат, воплощение абсолютной преданности Королеве, выберет Её. Об этом в казармах тоже говорили. Прикажи миледи Айрин, и старший Адалин без раздумий сиганёт с Чертога вниз и не попробует смягчить падение.

Радимир повертел в пальцах чудной гостинец. Знаки, искусно выточенные на полированных гранях, прочитать он не сумел, но исполнение оценил по достоинству. Фибула, изящная и ладная, так и просилась на плечо.

Все ещё кутаясь в покрывало, Адалин задумчиво разглядывал перламутровые ромбы забранного фигурной рамой окна. Тайственный королевский наказ, стремительное исчезновение брата и их вчерашний, малоприятный, но многозначительный разговор вкупе навевали подозрения.

Радимир ни разу в жизни не покидал пределов долины Олвадарани. И самым волнующим путешествием по сей день оставалась Школярская Седмица, проведённая в стенах Поста, среди семёрки неразговорчивых солдат гарнизона, огромных, вылизанных беспощадными ветрами камней старинной кладки, скрежещущих воротов, решёток, странных механизмов, скри-

⁷ Календарные праздники смешанной традиции людских земель, не поощряются князепоклонцами, но структурируют колесо года. Громник – Имболк, день огня; Совнь – Самайн; Щедрец – Маланья или Овсень, коляда; русалии; Бовтунь – Белтейн.

пящих вне зависимости от количества пролитого масла, изнурительного труда и вездесущей, неистребимой грязи.

Даже угроза свалиться с осклизлых каменюк и траченных временем лестниц не изводила отрока так, как эта жуткая, зловонная неряшливость. Адалину пришлось избавиться от целого сундука одежды, благополучно заплесневевшего в казарме. И всё же Радимир вспоминал Пост с нежностью: там он впервые взглянул на знаменитые просторы Голоземья, пустоши Мрачных Холмов, раскинувшие бурые объятия навстречу простуженному степному небу.

Здесь, в Долине, всё выглядело иначе. Ошмётки кудлатых облаков свивали дымные узоры вдоль скрипучих сосен, туманом оседали среди корней и пахли мокрой костяникой. Здесь истыканное верхушками деревьев, зубцами и пиками небо казалось маленьким и бледным.

Над Голоземьем же простор пьянил.

И больше всего замерзавшему в боевом ходу у едва тлеющей жаровни отроку хотелось промчаться верхом по рыжим, распадками изъеденным холмам, сцепиться с каким-нибудь чудищем из тех, что так пронзительно вопили по ночам. И... Радимир чихнул. Спрятал пергамент за пазуху, убрал мешочек с фибулой.

Голоземье, подвиги и походные костры растаяли в полумраке выстывших покоев. Ужель и впрямь дело идёт к войне? Но к чему тогда ссылка в Адалин и смутные «дела», которыми там следует заняться? И чем, вообще, там можно заниматься, в этом клятом Адалине? С егерями-выжлятниками по лесам аукаться, сов с перепёлками пугать? Или призраков фамильных между башнями выгуливать? Радимир, удручённый наклонувшимися тяготами зрелости, уныло тряхнул смятыми кудрями: где уж там, Ойон, поди, и не позволит.

В покоях объявились незаметные, вышколенные хозяйской суровостью слуги. Радимир знал их с самого детства, по Адалину. Сутуловатого угрюмца Нацека, огромного, как бастион. Тихоню Боржека, улыбчивого и простого, как колода. Трёх неразлучных товарищей: Готгарда, Норбера и Отакара. Радимир помнил, как именно отец уговорил брата. И теперь, глядя на расторопную, слаженную деятельность, порадовался родительской прозорливости. Хотя Данимир не особенно в них нуждался и с радостью отправил бы восвояси, придворное положение обязывало.

– Отакар, Боржек! Нацек! – Радимир выбрался из-под покрывала и приободрился.

Двужильные еретники в привычных кафтанах с фамильной мантикорой Адалин тотчас замерли, кто – где. Нацек, в одиночку нёсший здоровенную, паром исходившую бадью, осторожно опустил занесённую ногу, молча поклонился и лишь затем, удостоверившись, что знак почтения засчитан, продолжил прерванное шествие.

– Мессир Радимир, – ослабил Готгард, укладывая дрова подле камина. – Утро доброе. Подать чего? Сыра там, пряников?

– Благодарю, – вежливо потряс головой отрок и нарочно проигнорировал сострадательные взгляды. – Мне пора переодеться.

– А то как же, – солидно покивал Норбер, как раз перекладывавший приготовленные наряды.

Предполагая давеча долгие – возможно, душещипательные – застольные беседы, Радимир распорядился загодя перенести в покои платье на сегодня. Так что теперь решил к товарищам не возвращаться. Норбер, проникшийся важностью момента куда больше беглого родственника, широко ощерил крупные челюсти:

– Гоминий – шутка ли! Самой, значит, Королеве присягать! И не боязно, мессир Радимир?

– Боязно, – от души улыбнулся тот в ответ, поспешно выпутываясь из кафтана.

Боржек проворно начищал какие-то железяки в углу и согласно усмехнулся. А Готгард, так золы в камине и не обнаруживший, укоризненно покачал головой, тактично сложил за спиной широкие, перемазанные ладони и присоединился к назревающей беседе:

– И то верно. Гоминий тот – штука важная. Церемонья. И подготовиться нужно. И порядок наперёд знать.

– Да, большое дело, – откликнулся как всегда весёлый Отакар, стоявший навтыжку под дверью. – Значительное! И Королеву вблизи поглядеть, и себя показать. Наш мессир-то, старший который, сиял там солнышком. Вот и меньшого очередь приспела! А, Норб! Ты там смотри, пуговицы все проверь! Не оторвались?

– Совсем дурной, – отмахнулся Норбер беззлобно и извинительно зыркнул на невольно рассмеявшегося Радимира. Отрок, развлечённый ласковым трёпом домашних упырей, почти позабыл о собственном разочаровании. И всё же, наспех умываясь, бросал косые взгляды на запираемую Нацеком спальню.

– Надолго ли? Не сказывал хозяин? – Готгард подал мягкое полотнище с занавес размером.

Младший Адалин лишь пожал плечами:

– Наказ Её Величества.

Умываться пришлось над деревянной – Данимир презирал привычные тазики и изящные кувшины – бадьёй. А вот расчёсывать и подвигать локоны на щипцах Норбер ещё, хвала Князьям, не разучился. Щипцы младший Адалин благоразумно захватил свои, ибо на братскую запасливость рассчитывать не приходилось. Результат Радимира устроил. А уж когда он влез в душистую рубашку, уложил на груди складки и вдел фибулу, – то вовсе просиял. Бархатный кафтан, расшитый бисером и золотой нитью, с вечера дожидавшийся под покрывалом, сидел как влитой. меховая оторочка корзня пахла шафраном и лавандой. Узоры из переплетённых роз цвели на рукавах, как живые.

Упыри, больше молодым хозяином любовавшиеся, чем тому помогавшие, улыбались. Боржек, сосредоточенно выгрызавший занозу из пальца, крикнул, подтолкнул неожиданно – и необычно – довольного Нацека в бок, тот, важно скрестив на груди могучие руки, величественно кивнул.

Вслух общее мнение выразил развязный Отакар:

– Красиво, мессир Радимир! Прямо залюбуешься!

– Истый князь, как батюшка, – похвалил в тон осмотрительный Норбер.

Радимир задумчиво погладил блестящие пуговицы. За одну такую можно было выменять доброго жеребца, а полный наряд младшего из братьев Адалин тянул на целый племенной табун. Отрок озадачился нежданной мыслью: попытался представить брата, вот так же одевавшегося перед Гоминиумом. Интересно, а волновался ли он? Воображал ли Королеву, что лично примет клятву молодого подданного, представлял лица друзей, торжественные взоры Высших и – одобрительные – Лучистых, будущих товарищей по Стягу? Поговаривали, на церемонию брат едва не опоздал, а держался там надменно. С той поры мало что переменялось.

Тишину нарушали лишь возня и почтительное сопение впечатлённых еретников. Отакар всё щёлкал языком и перемигивался с дружками. Боржек улыбался, а Норбер прятал странно покрасневшие глаза.

Радимир вновь ощутил болезненный укол почти уж позабытой обиды.

Брат обещал. И не Джебрику его спихнуть.

Гордо поддёрнув воротник, юный Адалин назло отражению попробовал надменно улыбнуться. Потом, усовестившись, скривился посерьёзнее, но вышло даже хуже. Готгард сострадательно проигнорировал жуткие гримасы младшего хозяина. Отакар, напротив, аж в ладоши хлопнул:

– От-то дело! Мессир Радимир! От так от на них на всех глядеть и надо! Как на челядь босоногую! Пушай не забывают!

Младший Адалин густо покраснел и слабо, но куда более искренне улыбнулся. Подражать спокойствию брата с годами становилось всё труднее.

А в дверь меж тем чинно постучали.

Радимир, почти позабывший, где находится, удивлённо покосился на упырей. Отакар, не оставлявший пост у косяка, церемонно подтолкнул створку. С высокомерием, странно смотревшимся на его, в общем-то, разбойничьей физиономии, челядник смерил гостя оценивающим взглядом, сделал полшага в сторону и, даже не пытаясь разыграть гостеприимство, постановил:

– Старший наставник Тиргерат Каувиц... очевидно, желает нанести визит.

Радимир, обескураженный как самим «визитом», так и выходкой злорадного еретника, пиетета к досточтимому ментору не питавшего, вытаращился на вошедшего и запомнил закрыть рот.

Подчёркнуто игнорируя нахальных слуг, наставник Каувиц прошествовал мимо с достоинством, выработанным за годы пестования строптивых студиязусов, откашлялся и приветливо кивнул остолбеневшему посреди приёмной Адалину.

– Мэтр Каувиц, – запоздало изобразил манеры устыдившийся Радимир: это же надо, чтобы менторы вчерашних школяров по замку отлавливали.

Тиргерат зорко покосился на питомца:

– В чём дело, Рад?

Младшего из братьев все называли Радом. К вящему неудовольствию слуг. Даже мэтры Стударма использовали это прозвище. Только старший брат его не выносил, называл щенячьим, а обращался чуть не на «вы», полным именем. Странно, что без фамилии.

– Данимир уехал, – сознался младший Адалин.

Тиргерат удивился:

– Странно, – наставник степенно покивал собственным размышлениям. – Он долго давеча сидел у королевы, – прибавил Каувиц чуть слышно. И тут же широко улыбнулся. – Твой брат – один из возлюбленнейших сынов отечества, Радимир. Ты должен им гордиться. Он ничего не говорил о причинах столь скорого отъезда?

– Наказ Её Величества, – рассеянно пожал плечами Радимир. – Нас ждёт война?

– Война? – повторил мэтр беззаботно. – Ну что ты, Рад? И кто посмел бы? Или это брат сказал?

Младший Адалин замялся.

Наставник Каувиц, седой вельможа с ясными глазами, от возраста так и не утратившими остроты, вызывал у отрока глубокое почтение. Но сейчас Рад внезапно ощутил, что лучше промолчать, и лишь пожал плечами вновь.

Отрок мялся с невинной откровенностью застигнутого врасплох ребёнка. Конечно, это брат сказал ему. Предупредил. А значит, слухи – правда.

Каувиц сделал вид, будто не слышит за плечами многозначительного, сдавленное рычание напоминавшего сопения. Жуткий еретник в платье домовой прислуги, стороживший дверь, буравил зенками его спину так, будто готов был вот-вот вцепиться в глотку. Двужильный и курчавый, битюг даже не пытался изобразить почтение. О слугах Адалина кривотолки тоже распускали. Тадмир снарядил в услужение отбывшему ко двору сыну боевую дюжину, часть своей дружины, заставив воинов перерядиться в челядинцев. Как ни странно, те согласились.

Тиргерат смерил «слуг» взглядом, намётанным на всякое притворство. От железнозубых за версту разило гридней и кровопролитьем. Не ядами или, Князь упаси, отравленными спицами, чем обыкновенно баловались доверенные вельмож, а седым металлом, не раз отведавшим чужую плоть. Сами «челядинцы» голодными тоже никак не выглядели. Скверно питавшихся слуг Тиргерат на своём веку повидал немало. Еретники хирели на человеческой еде и начинали гнить. Эти же светились приснопамятным румянцем и молодецкой удалью, способ-

ной посрамить не одного богатыря. Каувиц небрежно улыбнулся и оправил обшлага кафтана. Оставить при мальчишке сторожей – достойная затея. Особенно, в преддверии войны.

– Мы не должны опаздывать, Рад, – заметил Тиргерат наставительно. И исподволь окинул взором едва освещённые покои.

Оружейные композиции по стенам, огромный незатопленный камин, сундуки и гобелены. Мальчишка в затканном узорами кафтане едва осознавал, насколько он богат. Знатное семейство, приближенный к трону брат. Удивительно, что отрок вырос до того невинным и наивным. Без проблеска закономерного высокомерия. Рассеянно водивший взглядом по стенам мэтр наткнулся на мрачно шутившего злые зенки «челядинца» и моргнул. Очевидно, еретики почитали себя преданными хозяину до последнего вздоха. Последнего вздоха возможного злопыхателя. Или, судя по этому верзиле со зверской рожей, просто любого, излишне засмотревшегося. Тиргерат отвернулся с той поспешностью, что ещё позволяла не уронить себя.

– Разумеется, мэтр Каувиц, – Радимир почтительно замер у двери и широко улыбнулся.

Искренняя радость младшего из братьев Адалин напоминала сладкий летний мёд. Смягчала любое сердце. Даже Талек забывал про розги. Достойное имя подобрали отпрыску знатного семейства придворные звездочёты.

– Идём, – согласился мэтр, не без удовольствия покидая подчёркнуто недоброжелательное общество обнаглевшей дворни. Данимир слишком распустил эту свору.

Свора, оставленная в палатах господами, резко посмурнела. Лица упырей заострились и ожесточились. Готгард прочистил горло. Отакар растёр тщательно выскобленный подбородок, сердито цыкнул зубом и переглянулся с тоже насупившимся Норбером.

– Боязно, эт точно. Тока за него боязно. Господин уехал, а меньшей... Уж больна он хороший, а? Не заклевали б гарпии тамошние, – заметил упырь без тени прежнего веселья и пригладил кудри.

– Разве же у гарпий клювы? – Готгард рассеянно поигрывал туго обтянутыми крашеным сукном мускулами.

– У тех – и клювы, и зубы, и Князь весть что ещё! – фыркнул Норбер. Тёмные глаза шурились всё суровее.

Наецк, вновь тащивший бадью, на сей раз в обратном направлении, равнодушно поглядел на сгрудившуюся у камина троицу.

– И чего? – буркнул он с выстуженной хрипотцой заядлого молчуна. – А мы на что? Ясное дело, призор хозяину нужон. Так то наша прямая обязанность. Батюшка его так заповедал. Стеречь сынов его.

– Угу, видал, как этот сыч, Тиргерат, тут зенками по стенам рыскал? – Готгард неодобрительно ощерил крупные клыки. – Как будто в балагане.

– А ты будто впервые при дворе и крыс тех наблюдаешь, – вздохнул Норбер.

– Хоть вспомним, с какого конца саблю брать, – подмигнул Отакар, жутко улыбаясь.

– Сабля, может, и не потребуется, – не без тоски вздохнул Готгард, в прежние времена до драк шибко охочий.

Вампиры вновь переглянулись. Придворная возня не доставляла им и капли удовольствия. Не то что конные разъезды в былые времена. И всё же...

Боржек, светло, простодушно улыбаясь, медленно выудил из-под кафтана здоровущий тесак. Норбер развёл руками и последовал его примеру. Оценив приготовления, Отакар расхохотался. И вытащил сразу два.

Глава 3. Вызов

В косых потоках золотого света свежесрезанные лилии, собранные в букеты и венки, блестели от росы. Железная трава благоухала по углам, с очищенных от пыли гобеленов смотрели хороводы благородных рыцарей и дев. Вторя им, вельможные мужи и расторопные, почти невидимые слуги улыбались в предвкушении обещанного праздника. Изысканные дамы в роскошных туалетах из шёлка и объяри благосклонно наблюдали.

Радимир ждал этого дня последние лет пятнадцать: тронный зал и двор Её Величества, блистательной Айрин Равнсварт, пленял великолепием, как воплотившаяся грёза трубадура. Созвездие орнаментов, узоров, вышивок и лент. А музыканты уже вплетали шум в мотивы, обращали происходящее в балладу наяву.

Караул в форменном облачении гвардии Её Величества замер навтыяжку у распахнутых дверей, искусно вытканные канителью вороны гордо реяли над быстринной. Огромный чёрный зал тонул в мерцании аксамитовых одежд и блеске украшений.

Рад замер, сердце точно пропустило шаг-другой.

На фоне испещрённых чародейными значками чёрных стен и угольных колонн сверкало пёстрое убранство.

Старшие вампиры, Хозяева Благородных, осанистые вельможи, убелённые сединами и умудрённые годами, с летописным величием в суровых чертах, почтили церемонию присутствием практически без исключений. У трона собрались Совет и Голос, Лучистый Стяг – воинство, достойное хвалебных песен, и строгие динстманны, похожие на сказочных героев.

Мессир Стимбор в лиловом, с золотой кобылой на гербе; белые гиацинты семейства Латарэт на терракотовом кафтане Хозяина их рода; мессир Валдэн, почтенный старец в золоте и бронзе, с гербовой голубкой на плече; и мрачный Аманир, Меч королевы, единственный – в кольчуге и броне. Мессир Тэрглофф, благословенный Канцлер всея Долины, тонко улыбался в меховую оторочку богато изукрашенного золотым шнуром корзня, застёгнутого на плече фибулой в виде эмблемы дома – пикирующего зимородка. Канцлер Стударма, мессир Гэдэваль Лаэрвиль, что-то тихо говорил Тэрглоффу. Прочие вельможи хмуρο наблюдали.

Мэтра Каувица и след простыл.

Зато Радимир заметил товарищей. И тактично протиснулся поближе, аккурат между Биртагиром Орэндайлем, белокурым двужилым молодцем с глазами тёмными, как два засевших под насупленными бровями угля, и Аникой Сэнатайн, хрупким курносый наваждением с очаровательной, бестолковой от волнения улыбкой. Адалин внезапно припомнил фибулу, что брат советовал ей подарить.

Сэнатайны не входили в число именитых родов Долины. До знакомства с Ани Рад о них и вовсе не слышал. Отец её владел красильнями и скромным замком, скорее напоминавшим межевой острог, а дядя управлялся в сукновальне. Этим достижения семейства Сэнатайн и исчерпались. Кто-то при дворе счёл бы старшую из дочерей и вовсе худородной для предстоящего обета, да и для обучения в Стударме.

Неброские, подчёркнуто скромные платья шли хорошенькой вампирке чрезвычайно. Но насколько лучше оттенили бы её красоту пристойные драгоценности! Радимир отогнал непрошенные мысли и оправил разрезные рукава кафтана, чтобы те свисали элегантно.

– Не сбежал? – гнусаво посочувствовал Биртагир и подмигнул рассеянному другу.

Рад изумлённо округлил глаза:

– Нет, конечно!

– Я тебя вчера искал полночи, – протянул Гира, тщетно приглаживая непослушные вихры. – И утром...

– Брат, – кратко пояснил младший Адалин. И снова покосился вдоль застывшей в тревожном ожидании шеренги одетых в гербовые цвета погодок.

За Ани точно также озирался младший Визэнд – невысокий, чуть кудрявый, утонченный чертами и манерами, Тидимир теребил пустые ременные петли для цепей и бросал на толпу придворных настороженные взгляды. Придворные в ответ разглядывали отроков с плотоядным интересом. Рад ободряюще улыбнулся позеленевшему от волнения Визэнду.

Аника, склонив набок голову, задумчиво вздохнула, ни к кому не обращаясь:

– Интересно, какое я задание получу?..

Биртагир не преминул зашипеть в ответ:

– Степную гадюку, по характеру!

– Сочувствую. – Сэнатайн и бровью не повела. – Ведь тебе тогда достанется подпивший дровосек?

Ани надменно вздёрнула курносый нос. Хорошенькое личико изобразило подобие язвительного сострадания. Кукольная внешность вводила в заблуждение: упырица отличалась норовом, который с непривычки огорошил бы и караульных.

Радимир тихо улыбнулся:

– А мне – укрощать укроп в саду Её Величества?

Тидимир фыркнул, но головой качнул авторитетно, как только он умел. От этой мины на диспутах холодели оппоненты любых регалий.

– Лабиринты испытаний создают Чародеи по избранному призванию. В Лучистых проверяют воинскую доблесть и умение, в чародеях – постижение высокого искусства, в мэтрах и мастерах – познания и сноровку. Вы слушали наставников когда-нибудь?

Аника не ответила, Орэндайль поёжился – видимо, представил пьяного лесоруба.

Через боковую дверь подмастерья старших чародеев в невзрачных пурпуэнах⁸ внесли в зал хоругви Стяга, огромный гонг и клепсидру на узорчатой станине, наполненную слюдяно блестящим, плотным дымом. Адалин сглотнул, издав выдыхая интервал и скорость. Чаши-резервуары пронзали колдовские письма, столь древние, что даже Тидимир наморщил лоб в недоумении.

Пластину гонга же, укрепленную на позолоченных канатах меж резных опор в защитных знаках, украшал Большой Калейдоскоп с вампирской звездой в центре – парадное окно за Кромку. Радимир обмер: сакральный знак он узрел впервые и сразу почувствовал ледяное прикосновение, ужалившее волю, запустившее в рассудок стальные коготки. Другие «начертания», вроде годоврата, не излучали подобной мощи.

В зале потемнело, горящий на треножниках огонь принял к углям, надеясь спрятаться.

– Это печать Кромки, открывающий знак! – выдохнула Сэнатайн восторженно и сцапала полиловешего Адалина за руку. Радимир смятение чувств разделял, но пальцы предпочёл освободить – фривольность пред лицом вельмож не выглядела уместно.

Медленно и чинно чародеи сняли опутывавшие гонг цепи. Мессир Гельхард Корнфлид, возглавлявший чародейский круг, поднёс ладони, пробуждая знак. Холодный звон металла глухо отдавался в черепе, под небом появился кислый привкус. Иссушенное, древнее лицо верховного чародея долины дрогнуло и искривилось в муке.

Коронные динстманны не без иронии, надменно наблюдали за оторопевшей молодёжью. Белоголовый Эльзонт и вовсе тихо рассмеялся или закашлялся, укрывшись распущенным рукавом. Лучистые, Высшие и трепетные Дамы сохраняли летописную суровость.

По залу будто прокатилась бесплотная волна, какое-то взбудоражившее нутро движение, прозрачно облизавшее колонны и узоры стен.

⁸ Элемент мужской одежды, изначально – военного костюма. Стёганая куртка на вате с застёжкой-шнуровкой сзади или спереди, с рукавами или без рукавов.

Радимир почти забыл об отсутствии брата, если бы не бдительность тоже пьялившегося на старших навий Гиры.

– А где он, Данимир твой? Разве не должен там стоять? – он кивком указал на скопление окруживших трон вельмож. – Опять...?

Окончание фразы заглушили звуки гонга, литавр и труб.

Чёрные колонны засветились проступившим колдовством. В зал вплыла блистательная процессия. Юноши в светлых одеяниях несли увитые лентами гирлянды и полосы разлетающегося шёлка. Айрин Равнсварт, князепосланную повелительницу всея Олвадарани, окружала многочисленная свита, цветы и восхищение.

Пригожие пажи будто только что спрыгнули со страниц инкунабул. На златотканом полотне за спинами обширной свиты вороны парили над огненной рекой.

Младший Адалин замер, ослеплённый. Динстманны преклонили колено, Лучистые грянули здравицу. Прекраснейшая из Королев, безупречная Айрин превосходила красотой все, даже самые великолепные, изображения.

– Нет... – едва пролепетал Рад и усиленно сморгнул, но отвести глаз и склониться для поклона никак не получалось. Радимир заранее знал, что этот образ не забудет никогда.

В медово-золотых кудрях петляли бусы, изогнутые луком губы едва тлели посулом сладостной улыбки. Глаза цвета промёрзшего ручья источали баюкающий свет. Немыслимая смелость, доступная лишь миледи Айрин, законодательнице придворных мод, но поверх многослойного платья с пристяжными рукавами до полу, зашнурованного под самое горло, она надела отороченный белым мехом узенький дублет, обнявший гибкий стан во всех деталях. Кто-то ахнул, возможно, и сам Рад. В накидке, отражавшей свет колдовских чаш, повелительница Розы сверкала россыпью алмазов в солнечных лучах. Прекрасная королева прямиком из детских грёз грациозно плыла между расступившимися подданными и улыбалась.

Младший Адалин обомлел от восхищения.

Королева замерла у трона и обратила благосклонный взгляд на отроков, но Раду показалось, что улыбнулась она именно ему.

Карвэл Вэйдинг, королевский бирич в чёрном дублете с безыскусным шитьём, помешкал для острастки, громким, звучным голосом оповестил зал о начале церемонии и углубился в дебри придворных наименований.

Во плоти явленное, пьянящее вдохновение миннезанга, миледи Айрин стала бы идеальной Дамой Сердца. И Радимир уже подбирал в уме подходящие рифмы, на ходу придумывая зачин пространной оды и едва удерживаясь от искушения по привычке закусить локон в отсутствии пера.

Ани тоже разглядывала Королеву, но с другим, скорее подозрительным выражением. И вовремя сцапала юного поэта за руку, упредив неподобающий жест. А там и укоризненно поджала губы.

– Рад, в чём дело? – шепнула она едва слышно.

Адалин рассеянно передёрнул плечами:

– Она прекрасна...

Сэнатайн одарила отрока проворным взглядом, руку убрала и от комментариев воздержалась. Зачарованно улыбающийся Рад этого даже не заметил.

К трону призвали Мипирэт, девицу Ирвайн. Чернявую правнучку старого Развэка, совместно с ещё пятью семьями из Крепких поставлявшего оружие Стягу. Мипирэт унаследовала от прадеда трудолюбие и осторожность, а наружностью удалась в матушку, урождённую Пирошиэль, одну из младших сестриц «Бесподобной Ян», что блистала в свите Её Величества. Ирвайн засемила к королеве, сжимаясь под надменными взорами замковых прелестниц. Дамы – Почтенная Лин в лиловом и Бесподобная Ян в небесно-голубом с прозеленью – зашептались. Динстманны тоже, но с иным выражением на мрачных физиономиях.

Заливисто прогрохотал гонг. Мипирэт стояла перед троном.

– Мипирэт, девица Ирвайн, – объявил бирич гулко. – Прими свой вызов. Липтих.

Знак на пластине засветился. Сухой сквозняк шершавым языком коснулся скул, дохнул в лицо медовой, сладковатой пустотой. С привкусом иссушенных стеблей и дующего с Голоземья ветра.

Ирвайн склонила голову. Звонкий гул металла обретал материальность, пеленой вибрировал под мрачным сводом зала и медленно свивался коконом вокруг фигурки в гербовых цветах семьи Ирвайн. Девица испуганно всплеснула рукавами, точно раненый скворец, и провалилась в Кромку.

Радимир следил за клепсидрой: соотносил движение внутри с воображаемым поворотом кисти, чтобы оценить время.

Липтих.

С Мипирэт они общались редко, хоть и были представлены друг другу. Скромная девица сторонилась дурных компаний, а неугомонный Орэндайль мог сделать таковой любую. Сейчас же Гира, необычно тихий, встревоженный и бледный, буравил взглядом место на полу, где Ирвайн получила вызов и провалилась в объятия иномирья.

Как наставляли мэтры, испытания замковые чародеи создавали согласно выбору и страхами претендента, ведь подданный Её Величества миледи Айрин обязан соответствовать в безупречности прекраснейшей из королев. Мэтры упоминали, что первый шаг за Кромку самый сложный и опасный, что ритуал необходим, дабы проходящий испытание не заплутал на призрачных стезях и ничего – вернее, никого – оттуда не приволок, кроме предусмотренного полученным заданием. А ещё, что погружаться в Кромку безнадзорно самонадеянно и опасно.

Никто из студиозусов и не посмел бы.

Липтих, мёртвый лабиринт.

Рассказами про Кромку детей пугали сызмальства.

Там проходила грань. Там проклятые души вязли мухами в меду. Там заклинали ветер и обменивали жизнь. Там колдуны и чародеи заплетали явь на свой лад и на незримых струнах выводили нужный им мотив. Оттуда проникал в оберегаемый Князьями мир кошмар.

Туда вчерашних школяров вышвыривал Большой Калейдоскоп на гонге.

За Кромкой поджидала неизвестность, помноженная на фантазию придворных мастеров. И Радимир сильно сомневался, что мрачный мессир Гельхард сочтёт уместным снисхождение.

Вязкий туман в клепсидре узором обтекал сияющую чашу. Радимир ощущал пульс под самым кадыком. И время, как случалось иногда на практикумах, будто мог его пощупать. Мгновения, что вились сквозь пальцы завитками скользких бус.

Девица Ирвайн ворвалась в зал с противным, лязгающим скрежетом, словно захлопнулись тысячи темниц. В руках она сжимала серый свиток. Знак успеха, что она вырвала у Кромки.

Королева едва склонила прекрасное лицо в знак одобрения. А побелевшая саваном отроквица присела, повторяя слова обета, и бережно поцеловала протянутые пальцы. По заплетённой на западный лад голове сверкнул рисунок линий. Сияющее подтверждение уз Гоминия. Рад закусил губу. Это выглядело прекрасно. Золотое сплетение искр, потусторонний свет, окутавший коленопреклонённую фигуру. Ирвайн поднялась и, ни на кого не глядя, отошла к пустовавшему слева от трона нефу, предназначенному присягнувшим.

Бирич призвал Тринимара, одного из отпрысков семейства Латарэт. Высокомерного, зеленоглазого и наглого, как свора полудиких кошек. По результатам практикумов он Рада превосходил, хотя, кажется, не собирался почтить Стяг своим сиятельным присутствием. Радимир, наблюдая, как под звон гонга навий гордо и беспечно вышагивает к трону, поймал себя на странной мысли: он искренне желал обыкновенно несносному соплеменнику удачи. И несказанно тому удивился.

– Тринимар, юный Латарэт. Прими свой вызов. Питфа.

Горящий лабиринт. Рад подавил невольный вздох. Достоиню юного задиры. Выходит, тот надумал стать магистром высокого искусства. Избрал путь к вершинам чародейных знаний. Зеленоглазый Латарэт скользнул за Кромку куда спокойнее Ирвайн, не вскинул руки и не издал ни звука. А Сэнатайн, всё более напоминавшая фарфоровую куклу с испуганным лицом, судорожно стиснула на груди ладони:

– Мар хочет стать магистром-чародеем?

Ревнивые нотки удивили бы младшего Адалина, если бы он обратил на те слова внимание. Но Рад вновь сосредоточился на созерцании клепсидры. «Юный Латарэт» не появлялся.

Тивадар, Хозяин Латарэта, Третий Советник Её Величества, нетерпеливо обернулся к обомлевшим подле спутникам в фамильных знаках. Динстманны переглядывались в предвкушении. Но Кромка расступилась, а наследник шагнул к трону с трепещущим живым огнём в руках. Стоял на ногах Тринимар неуверенно, а волосы его ещё искрились. Медовый аромат и стынь усилились. На узких рамах стрельчатых витражных окон заплясали изумрудные огни. Но Айрин одарила чародея ласковой улыбкой и позволила поцеловать протянутые пальцы. Рисунок присяги скользнул по растрепавшимся кудрям. Радимир нетерпеливо дёрнул подбородком.

– Биртагир, юный Орэндайл, – воззвал неумолимый бирич.

Не ожидавший столь стремительной расправы Гира оторопело посмотрел на Рада и резко позабыл, как следует ходить. Адалин услужливо вытолкнул обмершего дружка локтем из строя.

Обыкновенно дерзкий и скабрёзный, тот шёл через зал, будто на шибеницу. Взгляд сурового старика деда, предстоящего с прочими вельможными мужами Малого Голоса Её Величества подле трона, явно не ободрил его. Ударил гонг. Биртагир с усилием расправил могучие плечи и поклонился.

– Юный Орэндайл. Прими свой вызов. Ксендесит.

Ксендесит. Белый лабиринт.

Гира не пропустил ни одного диспута, корпел над инкунабулами и кодексами, донимал мэтров странными вопросами. И всё же, Адалин не мог предположить, что Орэндайл, беспечный балагур, гулёна и насмешник, решил стать мастером-стратегом. Теперь Рад опасался одного: чтобы тот не вернулся в зал по частям.

Волнение сковало бледностью точёные черты девицы Сэнатайн. Сколько бы они ни препирались, а относилась Аника к бровастому задире, как к одному из младших братьев. Ани едва кивнула обернувшемуся к ней Раду. И в этот самый миг Кромка выпустила белёсого, потрёпанного Гиру. С измятым свитком и – неожиданно – огромным чёрным пауком. Курящаяся мраком тварь шарахнулась под ноги Дамам, но Сполах, до того подчёркнуто сучавший среди прочих динстманнов, ловко поджарил чудище сапфировым огнём и поклонился в ответ на краткий благодарственный кивок Её Величества. Паук истлел в прыжке, не долетев до вельмож пары локтей. Биртагир же пробубнил клятву, едва коснувшись губами благословенных пальцев. Причину Рад понял, когда позеленевший Орэндайл, отчаянно шатаясь, занял место в нефе подле брезгливо посторонившегося Тринимара. В сознании Гиру удерживал лишь страх перед нахмурившимся дедом.

Радимир сглотнул: выглядело скверно.

Теперь он разглядывал вельможную толпу, гирлянды и регалии, считал изящные розетки, украшавшие трон цвета мрака, и изо всех сил старался игнорировать мелевшую шеренгу сверстников вокруг. Молодые упыри уходили за Кромку. Кто-то возвращался быстро и плавно, будто играючи, кто-то вываливался с лягом и скрежетом. Кто-то не приходил вовсе. И его в звенящей тишине вытаскивали караулившие чародеи. Когда мимо пронесли бездыханного Ильчи Тральфа с запрокинутой, болтавшейся безвольно головой, Сэнатайн едва слышно выругалась. Радимир, слов не разобравший, согласно сглотнул. Из широко распахнутых, остановившихся глаз Ильчи струилась кровь.

– Горнард Стимбор, – провозгласил бирич. И Радимир заметил, как выпрямился в нефе пепельный, едва стоявший Биртагир.

По залу пронёсся стылый шепоток. Дивной красоты упырица с длинными, до пят, золотыми волосами в лентах, огромными лазоревыми глазами и точёным силуэтом ещё одним мечтаньем трубадура плыла по залу. Младшая внучка Эрцэта Стимбора, душа и отрада, двигалась изящно и легко, как лучик солнца. Скулы тлели шелковым румянцем. Дамы замерли. Динстманны переглядывались и улыбались.

– Эта – справится, – уверенно поджала губы Аника.

Верхняя чаша клепсидры медленно пустела, перламутр растекался жидким серебром. Рад поглядел на оцепеневшего Биртагира. Орэндайль стискивал кулаки, а на посеревших щеках проступили мышцы. Он даже не пытался скрыть волнения.

«Златовласка Стимбор», как окрестил её Данимир, шагнула из пустоты к самому трону Её Величества, трепетно преклонила колени, зашептала слова обета. Всё – в полной тишине. Радимир избегал смотреть на вельмож. Уж больно странными взглядами мерили девицу Стимбор ухмылявшиеся динстманны и нарочито безразличные Дамы.

Гира, мягко оттеснив потерявшего от возмущения дар речи Латарэта, заботливо предложил голубоглазой деве локоть. Горнард, бледная под стать кавалеру, кротко потупилась, но на предложенную руку оперлась с готовностью. Рад запомнил их отчего-то особенно отчётливо. Именно такими: посеревший, сосредоточенный Гира в гербовых цветах об руку со скромно опустившей взгляд Горнард в бледно-лиловом платье. Живая иллюстрация баллады посреди сумрачного нефа. Такими Радимир с горечью вспоминал их потом, много позже, при совсем других обстоятельствах.

А бирич вызвал Анику. Рад уставился на спину удалявшейся упырицы, на вьющийся по узорам пола зелёно-золотой подол. Тидимир что-то бормотал под нос. Адалин даже не услышал Гонга.

– Аника, девица Сэнатайн. – Бирич выдержал паузу. – Прими свою судьбу. Йосвейн.

Радимир вздрогнул.

Лабиринт света.

Аника Сэнатайн не могла, в отличие от красавицы Горнард, похвастаться знатным происхождением или богатым приданым, что с лихвой окупала упрямством и острым умом. Не удивительно, что девица Сэнатайн избрала стезю магистра-чародея, боевого мага. Удивительно, что она и словом не обмолвившись об этом. Адалин неловко переступил с ноги на ногу. Мысль об Анике-чародейке внушала некоторую... тревогу. В воображении рисовались картинки самого пугающего свойства. Молнии, замученные драконы и очень много жаб. При чём здесь жабы – Адалин не знал. Зато он отчётливо помнил странноватых товарищей брата из Чертога, тот же Сполох предстоял у трона зримым тому свидетельством. И Чародеек Источника, женской обители, пользовавшейся в Долине дурной славой.

Сонные щупальца текучего тумана лениво вились в прозрачном куполе клепсидры. Дамы скупно перешёптывались, державные мужи безмолвствовали. Королева наблюдала. Несмотря на врождённые таланты, немногие из обитателей долины имели достаточную силу и отвагу, дабы обратиться к сакральному искусству и избрать его ремеслом. С другой стороны, лишь этот путь открыл бы девушке столь скромного происхождения...

В глазах младшего Адалина как будто помутнело. Время заканчивалось. Аника не появилась.

Радимир уже воочию увидел, как чародеи вынимают из-за Кромки её бездыханное, окровавленное тело. В волнении он терзал губы, пока не ощутил стальной привкус крови на языке. Верхняя чаша опустела. Сэнатайн рухнула перед тронem. В дрожащих руках плескался голубой огонь. И Адалин насилу удержался, чтобы не броситься к злосчастной «чародейке». Нашлась, тоже, воительница...

Ани чудом оказалась подле Биртагира. Белёсый призрак с перепуганными, в пол-лица, глазами. Данимир называл их «свитой привидений». Вспомнив это, отрок мимолётно усмехнулся.

Вызвали очередную девицу. Задиристую чернулю, наследницу каких-то ленников рода Милэдон. Рокот гонга напоминал раскаты грома. Зелёные огни высвечивали дуги сводов. А запах мёда лип к лицу отсыревшим тюфяком. Радимир в волнении теребил рукава и очнулся, лишь уколов обо что-то пальцы. Как он умудрился сцапать себя за ворот, младший Адалин не помнил, но побрякушка, подаренная братом, странным образом способствовала поднятию боевого духа. Рад оглянулся: остались лишь они с Визэндом. И бирич как раз выкрикнул имя «Тидимир».

Рад, оставшись сам на сам с полным залом вельможных навий, расправил плечи. Младший Адалин не должен выглядеть испуганным щенком. Взгляды придворных саблями секли порозовевшее лицо. «Школярский пяточок» – место, предназначенное бывшим студиям между шеренгами Стяга, динстманнами Её Величества, колоннами Высших и стайками безукоризненных Дам, – больше напоминал помост для публичной казни. Старый Орэндайль – высоченный и суровый – сдвинул брови. Советник Латарэт смотрел с холодным, жутким интересом. Тётушка Аэлина меркло улыбалась, будто бы прикидывала что-то нехорошее. У Первого Советника, мессира Валдэна, дёргалась щека, отчего старческое лицо норвило искривиться в сардонической гримасе. Метавшийся по недобрым лицам взгляд смешавшегося Рада наткнулся на яркие сапфировые зенки. Наследник Эльзантов, тощий Сполох с бесцветными бровями, внезапно подмигнул и усмехнулся. Радимир моргнул, сосредоточился на дыхании. Страх – не лучший спутник.

– Радимир, юный Адалин! – голос королевы был мягким, как атласная подушка. Миледи Айрин сама позвала его по имени, а бирич скатал ненужный больше свиток. – Приблизься!

Глава 4. Трэйа Атрамб

В пропахшей мужским потом, луковой похлёбкой и железом, тёмной гридне, прокопчённой до самых стропил, горела лишь пара каганцев, оставленных по сторонам массивного дубового стола. Отполированные и засаленные за годы службы доски масляно блестели. Светец в углу тлел скорбным огоньком лучины. Рдяные отблески метались по стенам, высверкивали злобными глазами невидимых чудов и угольного мрака ничуть не разгоняли.

Грузный мужичина в крашеном азяме⁹, при сапогах и медной гривне, смотрел угрюмо, сутуля плечи и пригнув всклокоченную голову, точно раздражённый бык.

– В Гатинец, стал быть, следуете? – прогундосил он, сжимая на столе краснющие кулаки, поросшие жёстким, как свиная щетина, ворсом.

Вадан расслабленно восседал на столце и не ответил. Вопрос был адресован старшему из колдунов, как раз с широкой, благостной улыбкой отхлебнувшему из деревянной кружки принесённого сподручниками «быка» пива. Рагва отёр рыжие усы и кивнул. Глянул на сжавшегося подле помощника мальчика.

Мирко сидел на лавке и к молочной лапше, выставленной на стол по его душу, не прикасался. Он чуял неладное. По едва осязательному напряжению в повороте головы Вадана, по испытующим взглядам Линтвара.

– В Гатинец, – улыбнулся колдун. – С наместником тамошним поговорить да комита проведать. Толкуют, недоброе творится тут в округе...

– И то верно, – буркнул в ответ мужик.

⁹ Верхняя одежда, длинный кафтан, сермяжный или из толстого сукна.

В самом начале, поднятый по приказанию рыжего стражей, отпирившей путникам ворота, угрюмый человек, очевидно, уже спавший, назвался Жданом, «тутошним начальником заставы». Глядел он исподлобья, причём подчёркнуто сурово. Но сейчас, внезапно посквернев лицом, и вовсе мальчика перепугал.

– Баре-колдуны! Что деется – то, истинно, паскудство. И до Гатинца, наперёд комита скажу: тут упыри лютуют, стервь поганая. И не поодиночке, как обычно, а целыми урочищами. Лезут, гады, донимают. Два хутора подъели...

Мирко углядел в потёмках, как Вадан с Линтваром переглянулись. Долговязый мореход сощурился недобро. Рагва же сдвинул брови и распрямился. А местный мужичина, взгляд тот тоже приметивший, истолковал молчание по-своему. Напряг плечи. Глаза – слегка навывкате, прозрачные, что талая сосулька, – смотрели пристально. Не так, как зыркали обычно на балия суеверные хуторчане. Не так, как учили смотреть – со скромностью и подобострастием – на колдунов сызмальства в любой, пусть даже самой захудалой, в лесах затерянной домине. И Мирко отчего-то вдруг очень ясно понял, почему могучий Ждан... таков.

Начальник заставы, которую обозные именовали Ворготай, боялся. Отчаянно и ожесточённо. Как сам Мирко, бредя по лесу, хлюпая по щиколотку в вязком болоте наволока у Чудинки.

Еретники уж были тут.

– Вы, баре-колдуны, не обессудьте, но... защита нам надобна. Теперьче как никогда. И... я о защите той прошу, – но гулкий бас звучал совсем даже не просительно. С угрозой.

Вадан едва заметно шевельнулся. Неразличимо в мерцающем свете чахлах каганцев. И всё же мальчик углядел. И понял. Долговязый колдун приготовился дать отпор. Мирко вжал голову в плечи, поднявшиеся до самых ушей. Он видел стражей у ворот, осунувшихся, злых. Он видел вооружение в сенах. Он видел здесь замкнутые двери, могучего, потерявшего надежду мужика, ослеплённого пережитым страхом, готового на всё. Двух колдунов, которых, должно быть, местные винили во всех своих страданиях. И вилы... что могли пустить в ход не только супротив железнозубых.

– Понимаю, – обстоятельно, всё с тем же благодушием, постановил рыжий, щурия посветлевшие глаза. – За сим и посланы мы в здешние края мессиром Эрваром, Алмазной Лилией Ллакхара. Дабы водворить порядок и добронравие. И соблюсти закон, – приятный, убаюкивающий выговор Линтвара, перекаtywавшего звуки бусинами на языке, лился потоком, обволакивал и увлекал. Мирко покосился на сидящего рядом – уже совершенно прямо – Вальфэ. Глазастый не отреагировал. Ждан смутно тёр наморщенный, прошитый бороздами лоб ворсистым кулаком.

– Да, хорошо б... водворить. А к комиту я посылал... двух вестовых отправил. Так обоих же ужрали, стервь такая! Конь добрёл обратно, а в стремени – нога и, кажись, чутка кишок... Вот хорошо бы... добронравие, – Ждан странно покачал кудлатой головой. Притих, грузно уперевшись кулаками в стол. – Да, добронравие.

– Будет вам добронравие, – заверил его рыжебородый. И вдруг пришёлкнул пальцами по пивной кружке, разом оборвав наваждение. – Хорошее пиво у тебя, Ждан. Славное пиво. Благодарствую.

– С хутора везут, – ответил мужичина, дико озираясь. – С того, что не дожрали ещё.

– Славно, – повторил Линтвар и благодушно усмехнулся в усы. – Так, говоришь, урочище тут у тебя под боком?

– А то как же! – пророкотал тот, хмурясь. Покосился за маленькое, на ночь убранное ставнями оконце под самым потолком. – Стал быть, целое гнездо! И почитай под самым боком, это верно. Как раз на полпути промеж Гатинцем да нами, в лесу. Засели там, стервь такая, на хуторе, стал быть, окопались, углежоги. Людьюми прикидывались!

– Людьми? – Рагва вновь с Ваданом переглянулся. Ждан угрюмо что-то пробурчал, одёрнул рукава азяма. – Как это понимать? С заставы кто-то... знался с ними?

– Ну... да.

Из путаных рассказов мрачного начальника выходило, что упыри прижились тут давно. И целым хутором, к вящему ужасу затихшего на лавке мальчугана. В заставе знали про соседей, но, как смущённо доложил осоловевший Ждан, не чурались. Потому как вели себя еретники примерно. Ни с кем не ругались, никого не забижали. Как ни чудно (Мирко не поверил). А тут, недели три как с цепи сорвались. И откуда набралось их столько? Вроде, на хуторе том всего и ничего их было: штук шесть. А тут как будто целая орава. И всё сплошь жуткие, вот ровно поднятые с буёва трупы. Всамделишные мертвецы.

Линтвар убедительно пообещал отправиться, как соберут снаряжение. Дал указания жечь огни над стенами заставы и приготовить фуражу для лошадей. Глазастый дрын с серьгами не проронил ни слова, но Мирко чуял нечто, как будто течение реки, круги на водной глади, движение в душной гридне, и центром этого движения был Вадан. Видать, колдовал. Потому как, выйдя на крыльцо, угрюмо привалился к стенке у дверей, прикусил губу и блещущие зенки сузил. Покручивал, знай, серьги и искоса глядел на мальчугана рядом.

– Останешься тут, – мрачно процедил он, хмурия брови. – На заставе. Покуда мы с тем хутором не покончим. – Мирко оцепенело помотал головой, но мореход лишь цыкнул зубом. – Это решено. Не вздумай спорить. – Вальфэ помолчал, сплёл руки на груди. Сурово поглядел в ночь, окрасившуюся тревожным светом разведённых на стене костров. – А после отвезём тебя в Гатинец. Комит не откажет Рагве. Отдаст какой вдове на воспитание или в семью. А захочешь – останешься при тамошнем наместнике. Но тогда придётся стать одним из нас.

– И... убивать еретников? – Мальчик насилу унял дрожь. После гридни промозглый ночной холод донимал сквозь тонкую рубашку и кургузую вотолу¹⁰, выданную дударем.

– Коли захочешь, – странно улыбнулся Вадан. – Не торопись, занятие выбирая. Твои способности и в мирных целях пригодятся.

– Я выбрал, – буркнул Мирко всё так же тихо. Насупился, потуже запахнул колючую, пропахшую кобылками одежду.

Выбрал. Когда кричала Ладка. Когда бежал сквозь наводнённый прожорливыми тварями, залитый кровью двор. Когда лупил в полузабытые уродливую памжу в чаще. Когда лежал в пыли под обожжёнными колами и хоронил под ветками любимого козлёнка. Выбрал.

Радимир оглянулся на вельможную толпу, ещё надеясь углядеть среди стылых лиц суровый профиль брата, под напускной строгостью которого неизменно замечал заботу и участие. Но в этот раз Данимир и правда не исполнил обещания.

Шёл через зал младший Адалин, как будто вот-вот упадёт. Мёд в воздухе душил, тяжёлым мокрым саваном ложился по плечам и сковывал движения. Отрок чувствовал щекочущее сопротивление вдруг загустевшего пространства. И привкус медуницы.

Королева в сияющей накидке замерла у трона среди цветов и соловьиных трелей. Лазурный лёд очей туманил разум. Миледи Айрин нежно улыбалась.

– Радимир, достойный сын семейства Адалин, готов принять свою судьбу? – Прекрасная головка участливо склонилась, а глаза заглянули прямо в сердце, будто Раду пронзили двумя мизерикордиями грудь. Чеканка гонга, установленного за тронном, почернела и пришла в движение. – Трэйа, – сладкий голос прозвучал набатом, а шёпот окружающих – шипением сотен ядовитых змей.

Трэйа. Трэйа Атрамб.

¹⁰ Грубая ткань и одежда из нее.

Лабиринт смертей. «Смотри в глаза. Не отводи взгляд. – Мне страшно! – Отлично, не страшно только дуракам. Используй страх», – Радимир часто вспоминал этот поединок. Первый в его жизни поединок на боевых клинках. Иных Данимир не признавал. И, выходя на тренировочную площадку, сбросил с плеч кафтан, остался лишь в тунике, тогда как Раду приказал надеть кольчугу.

Гонга Адалин не услышал. Лишь тишину, внезапно залепивший уши глиной медленный удар безмолвия, вышвырнувший его прочь из зала.

Тишина и мрак сомкнулись коконом и вдруг пропали. Радимир стоял в одном из крытых переходов, но витражей не узнавал. Под ногами крошились стебли сгнившей тысячелетие назад соломы. Пыль и прах. По стенам изнутри карабкалась сырая чернота, а с потолка то и дело срывались капли. Радимир чутко обернулся, откинул полу корзья, готовясь обнажить клинки.

Коридор вёл в черноту на обе стороны. Рад поискал подсказок или затаившихся в углах чудовищ, но не увидел даже свечников. Лишь щели окон в альковах и глухая мгла.

Давящее безмолвие проедало решимость изнутри. «Двигайся! Иди хоть куда-то», – мысленно велел себе младший Адалин, кусая в напряжении губы. Там, в тронном зале, время текло неумолимым перламутром из одной зачарованной чаши в другую. Там чародеи разомкнули Кромку, придерживали его дух и ждали возвращения... или смерти.

Радимир настороженно двинулся вдоль хода, изредка поглядывая назад через плечо.

Трэйа несла смертельную угрозу. Предполагала схватку не на жизнь, а... Пол задрожал. Плиты медленно крошились. Обернувшись в очередной раз, Радимир увидел, как за спиной неосвящённый ход проваливается внутрь себя, и побежал. Зацепился плечом за угол на очередном безликом повороте, кубарем слетел по лестнице в пустынный зал. С камина зашипели колченогие горгульи. Радимир, чуть не упав на собственный клинок, рывком вскочил, проворно озираясь. Но атаковать страшилища не собирались, лишь с клёкотом взмыли к потолку, толкнувшись мускулистыми ногами. По стенам разбежались трещины.

«Это Адалин, – вдруг с ужасом подумал отрок. – Запустение и мрак, обрушенные коридоры, каминный зал... Это дом. Но почему я здесь?» Из чёрного провала очага к нему метнулась уродливая тень. Радимир отскочил, неловко отмахнулся саблей, призвал вторую – чёрную, как небо ночью. Но не успел закончить слов призыва, как бестия обратилась в прах с ужасным стылым воем. И, падая, раскучорила остатки пола, ослепила, ожгла дикой вспышкой.

Рад ощутил предательскую слабость в левой руке: плечо обвисло, корзень тлел, рукав кафтана куда-то делся. Недоколдованный клинок лишил его руки? Но нет, ладонь оказалась на месте. И даже повиновалась, хоть и неохотно. Рад снова побежал, дёрнул фибулу на груди, стянул с себя горящий плащ. И замер.

Впереди, на тренировочной площадке, стоял при обеих саблях, улыбаясь, старший Адалин.

В рубашке из белёного льна, растрёпанный, помолодевший и весёлый, брат выглядел таким беззаботным, что Радимир не сразу сообразил – клинки подняты не просто так.

За спиной Данимира над неизвестно откуда взявшимся тут куском обсидиана сияла Лучистая Звезда. Точь-в-точь такая, как на хоругвях Стяга. Но не вытканная руками мастериц, а настоящая. Живая.

– Брат? – охнул младший Адалин, опуская саблю.

– Радимир. – Тот привычным движением запрокинул голову и весело кивнул.

– Что это значит?

На самом деле он догадался. Но мысль ужасала.

– А на что похоже? – рассмеялся брат. Клинок чёрной сабли исходил мраком, с шипением пронзая плоть миров. Мутное пространство тихо стрекотало, точно кто-то невидимый взводил ручкой арбалет.

– Нет, – пролепетал, отступая, Рад. – Никогда! Ты всерьёз?

– Конечно, отрок, – фыркнул Данимир надменно. – Отсюда выйдет лишь один из нас.

– Ни за что! – закричал младший Адалин и отшвырнул звякнувшую об пол саблю. – Это бесчестно!

– Как всё под этим небом, – холодно отозвался брат. – Убей меня – так хочет твоя королева.

Радимир не шелохнулся. Он чувствовал, как краска бросилась в лицо. Или то пылали обожжённые предсмертной вспышкой твари щёки? Данимир смеялся, ясные глаза заледенели. В них плескались лишь ненависть и жуткий, алчный задор.

– Лучше я умру, – прошептал Рад тихо, чувствуя, как колется в ладони резная побрякушка, сорванная с плеча.

Он поднял руку, горько поглядел на дивной красоты узор. Подарок брата. Того самого, который собирался сейчас драться насмерть. По щекам текло горячее и злое. Знаки расплылись, скользнули с фибулы, зажглись огнями, ударили в глаза и тотчас полились с одеревеневших губ. Как будто колдовство проходило сквозь него и так вплеталось в серость Кромки. Могучий круг сжимал на груди невидимые кольца, подобно змею. Казалось, ещё слово – и вздохнуть не удастся вовсе.

Видение растаяло, как клоч тумана. Как капля влаги на жаровне в очаге.

Радимир лежал на ледяных и безучастных плитах пола в тронном зале. Не справился, выжил... Зачем?

Но когда младший Адалин неловко вытер залитые краснотой глаза, в чаше клепсидры ещё курился перламутр. В порезанной ладони горела ярким пламенем звезда. А отрока обступали перепуганные чародеи и заголосившие динстманны. Подняться Радимир не смог, лишь запрокинул голову и сжал фибулу, точно вросшую в ладонь.

Адалина поставили на ноги гвардейцы, они же подтащили его к трону. Королева ласково улыбалась, мерцая и переливаясь лиловыми огнями. За спиной её над гонгом тлела изумрудная заря. На краткий миг Радимир углядел вместо дивного видения, исполненного красоты и нежности, человекоподобное чудовище с неподвижными глазами птицы, истлевший вороний череп пяди в полторы, утыканный перьями и увенчанный ветвистыми рогами. Рад заморгал, прогнал ужасный морок. И зачем-то забормотал слова обета, не соображая, кому и в чём клянётся. Вороний череп не шёл из головы. Пока слепящая, горячая волна не смыла прочь остатки мыслей, не вытравила, выжгла изнутри.

Радимир расхохотался, чувствуя искристое, всепоглощающее счастье.

Уголок был небольшим и тихим. Скорее зажатый стенами переход в петле дворов, что опоясывали бергфрид. Старания древних мастеров превратили узкий ход в миниатюрный сад с мозаичным прудом, несколькими кустами жимолости и двумя рябинами, за зиму объединёнными пернатыми обитателями соседних башен.

Меховая оторочка приятно серебрилась в мерклом мареве клонящегося к закату пасмурного дня. Радимир плотнее запахнул корзень и подошёл к сидевшей на мраморном бортике вампирке. Сэнатайн небрежно набросила на плечи лишь суконную накидку, а значит разглядывала витиеватый узор осушенного на зиму фонтана скорее по рассеянности, чем из-за предумышленной прогулки. Девушка слышала шаги и обернулась:

– Рад?

Адалин заметил подругу с галереи и теперь, оглядывая индевеющие стены, лишь кивнул. Неподдельное изумление в голосе Ани его насторожило.

– Я помешал?

– Нет, – улыбнулась та. – Я думала, ты ещё... не оправился. Мар сказал, ты вряд ли придёшь в себя к празднику.

– Какое дело Латарэту? – Радимир испытал странное раздражение. – И когда это вы с ним говорили?

– Он только что ушёл, – Аника вернулась к созерцанию запылённой мозаики. – Сказал, тебя в башню собирались нести.

– Что за чушь? – куда резче необходимого фыркнул Рад. Ани потянула плечами. – Почему Тринимар суёт нос, куда не просят?

На самом деле, зеленоглазый выскочка не лгал. И это рассердило младшего Адалина больше всего.

После церемонии его, то и дело впадавшего в беспамятство, хотели уволочь чародеи, возглавляемые жутковатым, пучеглазым стариком Гельхардом. Перетрухнувший глава Круга куда больше напоминал смерть во плоти, чем все персонажи Большого Трактата об Ужасах, сочинённого в Армандирне и там же богато проиллюстрированного не без участия спорыньи и чудотворных грибных отваров. Радимир насилу отбрыкался: получил неожиданную поддержку в лице подоспевшего на звуки закипавшей свары Джебрика и ретировался. Правда, от непомерно заботливого «дядюшки Ирджи» отрок тоже удрал, отговорившись необходимостью сменить разорённое платье.

И всё же, какое дело Латарэту?

– Не совсем так, – отмахнулась упырица, не поднимая головы. – Он просил меня быть его спутницей на празднике.

– И что? – мерно покачиваясь с пятки на мысок в поскрипывавших, новеньких сапожках, уточнил Рад после краткого молчания. Сэнатайн продолжала с самым сосредоточенным видом озирать проклятый пруд. – Ани?

– Что? – откликнулась девушка тихо. Точёный профиль отличался застывшей выразительностью. Мельком глянув на оцепенело сощурившегося соплеменника, новоиспечённая чародейка вопросительно нахмурилась.

– Ты... согласилась?

– С чего бы? – не переменяя положения, хмыкнула она.

– То есть, ты идёшь со мной? – ещё раз, просто на всякий случай, уточнил Адалин.

Сэнатайн задумчиво пригнула растрёпанную сквозняком головку, спрятала улыбку.

– Надо подумать.

– Ты дразнишь меня, что ли? – возмутился Радимир и сердито посмотрел на галереи, будто бы ища там справедливости.

Одинокий караульный, кутаясь в плащ, уныло слонялся вдоль арок второго этажа, звеня не то гвизармой, не то уже зубами. Поразмыслив, Радимир сдёрнул с плеч тёплый корзень и накрыл девицу Сэнатайн.

Ани встряхнула головой:

– Не знаю, Рад. А есть смысл?

Сбитый с толку, отрок только недоуменно заморгал. Юная чародейка вздохнула и неспешно поднялась. Придержала на груди тяжёлый корзень.

– Думаешь, это удачная идея – пригласить меня? – Перехватив всё ещё непонимающий, растерянный взгляд, Сэнатайн неодобрительно поджала будто нарисованные губы. – Радимир, ты – наследник Адалин. Ваш род один из знатнейших в Долине. Почему я должна объяснять столь очевидные вещи?

– Потому что это... – не сразу нашёлся вконец ошеломлённый Рад. – Это что, вообще? Откуда? И...

– У Горнарда уже возникли определённые разногласия с семьёй. А ведь Стимборы с Орэндайями почти что ровня.

– Стимбор просватана. И Гира тоже не свободен, – не задумываясь, отчеканил Адалин, невольно повторяя интонацию брата. И, смутившись, виновато развёл руками. Кафтан, одол-

женный кем-то из сердобольных гвардейцев, не спасал от промозглой стылости расшалившегося брезеня.

Сэнатайн молча отвернулась.

– Ани! – Рад шмыгнул носом. – Хозяин нашего Рода – Данимир. И он не возражает.

На сей раз пришёл черёд изумиться чародейке:

– Ты что, спрашивал его?

– Он сам сказал, – покраснев, сознался младший Адалин. И, верно истолковав гримаску упырицы, покаянно ссутулился. – Данимир умный. Проницательный... Я не думал, что это так заметно.

– А есть какое-то «это»? – беспечно, будто ни о чём и не подозревая, переспросила Сэнатайн.

Рад снова заморгал:

– Ну... Э-э-э...

Ветер с въедливым шорохом гонял по окатанным камням скукоженные, чудом пережившие зиму листы и тот особый сорт песка, что скрёбся по мостовым тысячу суставчатых, когтистых лапок, забивался в каждую щель, проникал в башмаки и всё время перемещался, будто без участия сторонних сил. Караульный, прискучив шататься, принялся орать, судя по задушевному интонациям, взыскую отзыва не от товарища по страже, а, как минимум, от самих Князей. Неподалёку зашлись лаем замковые кобели. Что-то звякнуло, задрезбужало и глухо выругалось. Возможно, это был один и тот же предмет.

Чародейка, не дождавшись ничего более осмысленного, залиvisto рассмеялась:

– Да, звучит и правда впечатляюще.

– Аника, – полиловел Рад. – Так ты пойдёшь со мной?

Какое-то время Сэнатайн молчала: с лёгкой, едва различимой улыбкой наблюдала за оцепневшим, упрямо стиснувшим челюсти юнцом, потом, фыркнув, обронила небрежно:

– Молва – удивительная вещь. Вот ты знал, например, что прослыл романтиком и поэтом на весь Стударм? – Ани лукаво сощурилась и покачала головой. Физиономия юного гвардейца из лиловой сделалась насыщенно пурпурной. Аника, пресытившись общей бестолковостью происходящего, махнула вышитой полой. – Ладно. Да, Радимир Адалин, я буду твоей спутницей на этом празднике. И, если ты не решил сегодня же заполучить в спутницы ещё и лихо-манку, предлагаю уйти в тепло.

Глава 5. Послания и посланцы

Витражное стекло, сплетавшее узоры в звонких рамах, окрашивало нежный перламутр новорождённого утра в вино и бронзу, турмалин и яркий кобальт. Цветные полосы ложились на резьбу пространной ниши восточного окна. Колдовские чаши едва тлели.

Къявато, только что вернувшийся из Нижнего квартала, велел себя не беспокоить до полудня и выгнал слуг, на ходу распутывая перевязь с клинками и отяжелевший от влаги плащ. Рубаха липла к телу. Винные пары ещё кружили голову. Рубцами жгли следы шальных прикосновений.

– Воды для омовения! – гаркнул Оренцио, когда в дверь робко сунул острый нос молодой Люцано – воспитанник и, вероятно, единственный, кого ллакхар сейчас не вытянул бы поперёк спины.

– Мессир, вода готова. Подать вина?

От одного упоминания уже тошнило. Къявато отмахнулся. Дверь закрылась.

Колдун распутал позолоченные петли яркого дублета, брезгливо выбрался из дутых рукавов. Сбросил пояс и стянул тунику. Воняло от шелков отвратно. Так, что и в прохладной, тонко

пахшей благовониями спальне захотелось разогнать мгновенно сделавшийся чересчур густым и смрадным воздух.

Отмывшись розовой водой и сменив рубаху, Оренцио опустился на колени.

– Светлый Князь, – воззвал он тихо, – услышь мои слова...

Но лучше б Он не слышал. Ритуал сейчас напоминал пустое действие, лишённое души. Набор практик, пассов и дыханий, погружавших в блаженное ничто. Совсем не искреннее обращение.

Кьявато знал, что многие из колдунов, и даже те, что поднимались до первой дюжины Сартана, практиковали утренний зарок без должной искренности и усердия. Механически исполняли последовательность действий, не замечая сути, шептали верные слова убивавшим смысл речитативом. Должно быть, Князь смотрел на то сквозь пальцы, ведь подношения оставались регулярны. Или, возможно, существу настолько запредельному чужды были мелочность и ревность. Кьявато всё равно ощутил укол... чего? Совести? Благодетельства? Он только что вернулся из весёлого квартала, где тщательно полил креплёным ярьенским их робкие ростки.

Норт Эрвар, Лилия Ллакхара, собрал Сартан и объявил Седьмого Колдуна предателем, вероотступником и трусом. Знак Ваа-Рди разбили и сожгли. Слуг, домочадцев и наложниц, возвращённых с полпути в Ас-Ллюкхэн, просто перебили. Оберегатели покоя безучастно проламывали черепа, отсекали головы и руки. Запах крови мешался с амброй и золой.

Кьявато выровнял всё ещё не слишком свежее дыхание и прикрыл глаза.

У Валтара была девчонка, Пьейя. Белокурое и нежное создание, повадками напоминавшее котёнка. Он купил её лишь год назад, а ближе к Совню уже позволял сидеть в покоях во время партий и наблюдать игру. Оренцио не сомневался, Валтар обучал её «началам». Наверное, почти любил.

Её обезображенное тело швырнули в Огненный Котёл – ущелье, где погребали преступников и прокажённых. Всех слуг Варди отправили туда. А перед этим провезли через весь город.

Но повелитель так и не утолил свой гнев.

А Светлый Князь не отвечал призывам. Предательство задело и его.

Кьявато замечал во взгляде Адальхейна потайную скорбь, мутившую лазурь холодных глаз. И рискнул спросить у господина о её причинах. Ответа он не ожидал, но Норт ответил. Тихо, горько и внезапно откровенно. Всего два слова.

«Князь молчит».

Признание так поразило колдуна, что он окаменел посреди крытой галереи. А повелитель, разведя руками, странно усмехнулся и ушёл. Бесшумно, точно призрак. Неотлучный Аррамунет укоризненно тряхнул посеребрённой головой и поспешил за Лилией. Не слышавшие страшных слов Сэтвенты молча огибали колдуна.

– Светлый Князь, за что ты гневаешься на Господина? – Оренцио не удержал порыва, произнёс то, что давно просилось с языка. – Ведь это Валтар отказался от обета...

Ощущение присутствия пришло внезапно. В лицо пахло белоцветом¹¹, называемым также львиной лапой, и лавандой. Пылинки, танцующие в разукрашенных цветным стеклом потоках утреннего света, полыхнули россыпью созвездий. Хлад жалил кожу сонмом ядовитых игл.

– Князь? – испуганно пролепетал Кьявато, судорожно вспоминая, мог ли выпить давеча *настолько* много.

Ответа не последовало.

Свет медленно затапливал покои, точно пролитое молоко. В злоедей белизне скользили призраками тени, бесплотные сгущения небытия, лишённые оттенка. Смех и бархатистый

¹¹ Эдельвейс.

шёпот затягивались висельной петлёй. Къявато поперхнулся. И в этот самый миг в бесцветии разом распахнулись сотни пронзительно лазурных и совсем не человеческих глаз.

«Мы рядом, Оренцио».

Колдун с невольным криком отшатнулся, ударился обо что-то головой, ощутил падение и очнулся на полу.

– Я уснул, – угрюмо приказал себе Къявато, выравнивая сердцебиение. – Проклятая креп-лёная отравка. Просто сон.

Лазурные глаза смотрели из-под вуалей бесцветных, будто бы заснеженных ресниц.

«Рядом, совсем рядом».

Упырь висел на старом ильме, пронзённый вилами и почерневший.

Над пушей перекликалось воронье и сумрачные духи. В предрассветной влажной мгле на посеревшем небосводе выцветали звёзды, а по вздыбленным корням карагачей ползли седые завитки тумана.

Воняло из лесу отвратно: болотной прелью, дурной кровью и гнильём. Будто пробуждавшаяся по весне окрестность уже с седмицу как околела и разлагалась трупом посреди болот.

Вадан осадил коня:

– Надо идти в лес, – угрюмо сообщил он Рагве, оглядывая порыжевший от факельного света тракт.

Линтвар вздохнул, оправил перевязь и жестом приказал правящему телегой Горазду остановиться.

Лошадям поганое место не полюбилось ещё издавеча. Ретивая Малинка Рыжего прядала ушами, фыркала, выкатывала зенки и, кажется, дрожала. Флегматичные и безучастные тяжело-ловозы упрямылись и дико озирались. Даже вышколенный гнедок самого Вадана недовольно захрипел, несмотря на пеленавшие сознание скакуна узы. Вальфэ потрещал коня по шее, потянулся мысленно, успокаивая и увещевая.

В лесу сидела смерть.

– Вот не хотелось бы сейчас лезть на упыря тропа, – заметил Рагва между делом.

– Кони туда не пойдут. Даже вороны не опускаются. – Вадан спешился, поправил отсыревший плащ, проверил тесаки. – До хутора тут ближе.

– По болотине, наводнённой упырями? – Линтвар невесело хохотнул, но с лошади сошёл. Огладил погрустневшую Малинку по трепетавшим ноздрям. Покосился на помощника из-под брови.

Вадан равнодушно потянул плечами:

– Мы за тем сюда и ехали.

– Мы ехали спалить урочище, а не самим подохнуть, – ощерился Рыжий для порядка.

Хлопцы потихоньку выбирались из-под крашенины, покряхтывали, разминались и примеривались к топорам да кольям. Вальфэ не без удовольствия отметил, как притихли давешние болтуны. Жигода озирался с недоверием. Смазливый Элько, охочий до бравлады, будто воды в рот набрал.

– А что смердит так? – не выдержал он.

– Упыри, – кивнул на пришипленное к дереву чудище Вадан.

Горазд выругался и суеверно плюнул. Не сразу разглядевший диковинное придорожное украшение Элько забрался, через слово помянув то Князей, то Яруна с Искровым. Дударь подавился попросившейся на холодок вечерей.

– Кто его, интересно? – деловито замер у ствола Линтвар и подкрутил обвисший ус.

– Кто-то, – откликнулся Вадан, тоже подходя. – Ведун или просто суеверный.

Колдун тронул хитрое переплетение нитей и стеблей. Вилы обмотали узелками простонародного навенза. Древко почернело, зубья, пропоровшие отравленную плоть, тлели выцветавшей ворожкой.

Пришпиленное к дереву создание, чуя пищу, конвульсивно дрыгнулось, железные зубищи щёлкнули впустую, по впалым, выдубленным, как у болотного утопца, желтовато-пепельным щекам поползла седая слизь. Упырь заскрёб кору когтями. Среди поросших мхом корней огромного карагача кружевами завивалась стружка, будто тут трудились древоделы. Гнилая кровь страшилища смолой стекала по ободранным, иссохшим лапам, кропила дёрн и застывала слюдяно блестящей лужей.

– Одежда странная, – отметил Линтвар, изучая жалкие лохмотья. По подолу оборванной туники вились остатки простенькой тесьмы. – Не углежога.

– Он и не был углежом, – Вальфэ нехотя вытащил тесак, прочёл положенное слово, призывая Князя. – Горожанин. Скорее всего, не местный. Добью его?

Вопрос остался без ответа. Рагва хмурился, оглаживал усы и недовольно поводил очами, будто ждал беды. Но беда уже случилась. Как в Паданцах и Мукомолье, как в малом хуторе на берегу Чудинки, откуда убежал блажной щенок.

– Надо сообщить Сартану, – озвучил Вадан и единым взмахом обезглавил упыря. Горящий знаками благословения клинок рассёк неживую плоть с вкрадчивым шипеньем. Зловоние и последний вой умертвия вожжами вытянули вдоль спины. Остатки прежде бывшего душой метнулись к небу и обратились в копоть на вмиг ссохшемся стволе. – Их слишком много. Они сбиваются в стаи и бредут по городам.

– И в чём тут новость? – пробурчал Рыжий, отступая от чёрных клякс.

Вальфэ промолчал. «Разуй глаза, дубина», – сказал бы некто менее разумный. Эти упыри вели себя точь-в-точь, как чудища из сказок, которыми гусяры-сказители пугали детвору по наущению таких вот эмиссаров, как Витусь. И Линтвар, и Вадан, и даже Элько прекрасно знали, в чём тут новость.

– Их слишком много, – вместо этого повторил мореход и вытер сажу с почерневшего клинка.

Обоюдоострую елмань ласкали отсветы костра и мягкая тряпица. Упырь вдумчиво очинял перо любимой сабли и размышлял о горных перевалах. Дорог через хребты, конечно, проложить не потрудились. Дивноокая в былые времена отличалась завидной скаредностью и неплохой фортификационной смёткой, широким жестом повелев считать гряды естественными границами королевства, устроить башни и остроги в стратегических местах, а переходы завалить камнями и запечатать колдовством.

На востоке оставался лишь один путь из долины, и лежал он через неприступный и коварный Эреттурн, ущелье вероломной Искорки и скальный Граварос орлов.

Милэдон, вытянувшийся в одеяле без движения, приоткрыл запавшие глаза. Пепельная кожа обтянула череп: глазницы, скулы, выдавшуюся челюсть. Острый нос всё больше походил на клюв. Такими темпами Зеран в орлином племени сойдёт за своего. Упырь фыркнул. Вид отставного командира внушал сердитую и горькую тоску.

– Всё скверно, друже? – слабо прохрипел вампир.

– Погони нет. – Адалин спрятал саблю в ножны, достал из сумки кошель и склянки. Тинктуры Эльзанта воняли даже сквозь сургуч и в чистом виде напоминали льющияся за шиворот свинец с привкусом сырой подошвы. Пара капель превращала мёд в колючую и терпкую отраву, но Милэдон смиренно пил её и сохранял сознание.

– Нас не хватились, – продолжил Данимир невозмутимо, стараясь без надобности не дышать. Чародейный эликсир сошёл бы за орудие убийства для особо злостных супостатов. Упырь не сомневался, что разница тут только в дозировке. – И колдовства я по пятам не чую...

– После столкновения с исчадием целительских талантов боевого чародея, Шуйцы при Стяге и большого шутника Эльзанта, немудрено. Адалин почти не сомневался, что обоняние к нему больше не вернётся. – Почитай, что чудо.

– Возблагодарим Князей. – Зеран раскашлялся, на неопрятную щетину брызнуло рубином.

Упырь помог командиру приподняться. После дня в седле держался Зеран, кажется, лишь на фамильной чести и упрямстве.

– Когда выберешься за Зубатку, сам лично вознесу хвалу, – пообещал Адалин угрюмо. Милэдон смиренно проглотил вонючее питьё и слабо улыбнулся. – Как ноги?

– Кости ломит, – признался он, подумав. – Да и запах этот. Гниют, наверное.

Упомянутый вампиром запах не перебивали ни конский пот, ни жёлчь чародейных фумигаций Эльзанта, ни даже едкий дым от волглой древесины. Упырь трижды пожалел, что удовольствовался первыми попавшимися ветками.

– Лихорадки нет, – заметил он, разглядывая те моши, что остались от командира Прихоти. – Добрый знак. – Пожалуй, что последний. Все прочие приметы указывали на скорое пополнение фамильных усыпальниц семейства Милэдон. – Хм. Коли знахари Рункарда посоветуют отнять ступни, ты согласишься? – прикинув шансы, уточнил Упырь.

Зеран закатил глаза, лишь усилив впечатление.

– Не могу об этом думать, – честно отозвался командир. – Домашний чародей говорил, шансы есть. А без ног... Кто я без ног? – На сизых щеках проступили жилы. Челюсти натужно закрипели.

Прогоревшее полено выстрелило снопом искр.

– Всё тот же, кто и с ними, – отрезал Адалин. И, поглядев на побелевшего друга, вдруг смягчился. – Что-нибудь придумаем. У Валэсны отличные племенные ведьмы. И на зимовке несколько шаманов из Ледяного Заозерья.

Молва учила, что упоминать о «сизокожих» ночью у подножий обледенелых гор не стоит и при более боеспособных спутниках. Но Данимир давно молву не слушал.

К северу от Лунного кряжа в прогорклых чёрных льдах, где вечно дуют ветры и цветут небесные огни, в подземных альковах и городах-пещерах обитали всевозможные создания. Не слишком дружелюбные к чужакам, под стать суровой округе. Шаманы Заозерья, покрытые узорами сакральных знаков полулюди, хранили север, как зеницу ока.

– Уж прямо на зимовке? – слабо усмехнулся Милэдон.

Картинка заснеженного становища, оленей с бубенцами на рогах и Суэдэра с ритуальным луком вспыхнула костровой рыжиной. Упырь кивнул, убрал склянки, протянул Зерану мех с вином.

– На зимовке. – Данимир задумчиво смотрел в огонь, намеренно не замечая, скольких сил стоит командиру разговор. – Привезли пушнину, бивни, амулеты. А то, что вздумали остаться, их дело.

Хвойные леса восточных доменов предгорий пользовались дурной славой. Здесь обитали босоркухи, лошолочи и беглые еретники из челядинцев, промышлявшие разбоем. А то и господа, лихоимством пополнявшие оскудевшую при дворе мошну. Так что одинокого путника вполне могли приветствовать болтом в грудь или сворой гончих. И всё же, мерный скрип ствол и шелест веток ублаживали лучше придворных флейт и томных арф.

– То есть, северные воины-шаманы Заозерья теперь торговые обозы по лесам гоняют? Может, сам Суэдэр-Лучник их привёл? – ирония по-прежнему давалась Зерану отлично. Упырь милосердно оскалил рот в подобии улыбки. – И не в Сердаград престольный, а в Маруман, где кроме оборотней и медведей только волколаки? – командир проникательно поджал губы и покачал высохшей, будто бы даже уменьшившейся головой.

– Чудно, ты прав, – степенно согласился Адалин. – Пути Князей неисповедимы.

Хриплый смех лишил Милэдона остатков сил. Он тяжело повалился обратно наземь и подтянул повыше одеяло.

– Северные племена опасны, – заметил Зеран после краткого молчания, наполненного треском прогоравшего костра, лесными шорохами и пофыркиванием лошадей. Позёмьш, как раз вернувшийся с охоты, шмыгнул к хозяину.

– А по-другому войны не выигрывают, Зеран, – наставительно отрезал Адалин, пряча горностаю за пазуху. Зверёк подозрительно дрожал и не сопротивлялся.

– Желаете развязать войну? – вампир уставился на ледяные звёзды, что равнодушными свидетелями мерцали на студёном небосклоне.

– Я не желаю видеть смерть этого трижды «благословенного» королевства, – не стал юлить Упырь. – И тварей Кромки по эту сторону границ.

От одного воспоминания о танцующем на руинах Лихе сводило зубы. «Ты теперь Кромешник», – чуть слышно прошептало из кустов.

Валгар рассмеялся.

– Выходит, ты был в Заозерье? – суеверно обмахнувшись знаком Князя, сменил тему Милэдон.

– Везде, где мы могли найти союзников, – Упырь и не подумал отпираться. – Пусть Ллакхар пеняет на себя. Роза ему не поклонится.

– Да будет так, – пробормотал Зеран.

Полено снова выстрелило, швырнув в индиговую ночь пригоршню золотых созвездий. В сумрачном переплетении теней между стволами тревожно фыркнул Дух, переступил копытами по хрусткой супеси и обратился к хозяину зажёгшийся багрянцем глаз. Упырь сам не заметил, как потянулся к сабле.

Конь Милэдона захрипел, откликнулись и выучные лошадки. А из кустов раздался тихий, мелодичный посвист.

– Подойди к огню, – пригласил Данимир невозмутимо. – Здесь теплее, путник.

– Благодарю, – прошелестела тень, тихонько отделившись от соседнего ствола. Плащ скрывал фигуру, а шаперон – лицо. Бурое сукно дорожного костюма заминалось складками не в лад, как будто брошенная на жердь тряпка. Путешественник был чрезвычайно худ. В чем Адалин убедился, когда создание вытянуло к костру длинные иссушенные руки. Четырёхпалые ладони отдавали синевой.

Зеран смотрел на путника во все глаза, огромные на измождённом, заросшем бородой лице.

Из чёрной бездны капюшона раздался долгий, свиристый вздох.

Глава 6. Праздник

Он сокрушенно выдохнул и устремил на Готгарда молящий взор.

Подпаленные локоны никак не желали укладываться в пристойную причёску и выглядели жалко. Челядники переминались у порога бестолковой, замороженной гурьбой. Отакар, выспрашивавший подробности Гоминиума, которых Радимир не помнил, подзуживал дружков. Норбер строил ему мины одна другой свирепей, но унять любопытство упыря не получалось.

– Да не могу же я идти в таком виде! – возмутился Рад, вертясь перед выпуклым стеклом.

– Мессир Радимир, всё не так плохо, – заверил милосердный Готгард.

– Боевые метины почётны, – поддержал весёлый Отакар. – Пусть все знают, каков наш младший господин в деле!

Рад предпочёл бы, чтобы никто и никогда о том не ведал. Подробности произошедшего за Кромкой память сохранила сбивчивым, чумным калейдоскопом, мозаикой бессвязных вспы-

шек. И самым ярким образом в ней рисовался брат. Чужой, смеющийся, надменный. «Лучше я умру», – прошепел Рад, забывшись. Старший Адалин хохотал ему в лицо: «Убей меня, так хочет твоя королева». Ужели *так*?

Злополучная фибула, и впрямь чересчур броская для мужского платья, мозолила глаза. Рад не нашёл ничего лучше, как, помучившись над запиской с лучину, отправить украшение Сэнатайн в качестве подарка.

Теперь же, идя праздничными коридорами, разукрашенными цветочными розетками, хоругвями и вымпелками, прикидывал, какое впечатление сей дар произведёт на Анику. Девица отличалась здравомыслием и удивительным для юной, трепетной особы хладнокровием, а последний разговор, как и предшествовавшая ему церемония с потайным выбором, заставили Адалина не на шутку призадуматься.

Чародейка – Князя великие, кто мог предположить? – со снисходительной улыбкой разрешившая ему сопроводить себя до ворот, могла и оскорбиться.

В попытке развеять сумрачные размышления Рад на ходу придумывал очередные вирши. Праздное рифмоплётство неизменно помогало. К тому же упражнения тренировали ум.

С Биртагиром Рад, перебиравший в голове рифмы для задуманного накануне ле¹², столкнулся на ступенях лестницы, винтом прошивавшей занятую студиозусами Острую башню. Орэндаиль сосредоточенно обдирал из гирлянды приглянувшиеся лилии, критически разглядывал и, сочтя недостойными, кое-как запихивал обратно. Всё это – балансируя на поперечной балке, распиравшей шахту спицей колеса гигантов. Не слишком удивлённый дикой выходкой дружка, Адалин тактично прокашлялся, игнорируя обильно сыпавшиеся сверху иголки и веточки.

Орэндаиль нашёл наконец удовлетворивший его цветок, торжествующе гикнул, уцепился за поперечину, соскочил вниз и браво усмехнулся. Бутоны выглядели неплохо. Сам Гира, пунцовый, растрёпанный и взмокший – куда хуже. Радимир укоризненно покосился на дружка.

– Оно того стоило? – уточнил он.

Биртагир живо закивал:

– Ещё бы! Вообрази, как я это буду рассказывать! Тут дважды караул проходил. И кастелян шастал, будто ему медовухой полито...

– И Мастер Ритуала, я уверен, тоже, – поддержал Рад угрюмо. – А то и кто из наставников.

– Вот им больше заняться нечем, – гоготнул Орэндаиль, одинаково безучастный к проискам совести и здравого смысла. – Идём! Пока наши пташки не упорхнули без нас.

– Да уж, – припомнив недавние терзания, совсем помрачнел Адалин. – Ты знал, что Сэнатайн решила стать чародейкой?

– Нет, – потянул могучими плечами Орэндаиль, прытко, аж через две ступени за раз, взбираясь по сбитой, неудобной лестнице.

Радимир предпочёл бы сбавить темп, предчувствуя не слишком благородный, мальчишеский румянец. Гира же о цвете щёк, как своих, так и товарища, думал в последнюю очередь. Улыбаясь во весь рот, он явно предавался фантазиям о предстоящем повествовании – вряд ли в стихах, но, памятуя о клятве Вызове, всё может стать – про свои акробатические подвиги.

– Я думал, мы... друзья? Почему она мне не сказала? – пожаловался Рад.

На вразумительный ответ он не рассчитывал. Однако Биртагир, одарив дружка неожиданно цепким взглядом, остановился и потрянул пшеничной шевелюрой:

– А ты спросил? Хоть раз.

Адалин потупился, припоминая. По всему выходило, друзьями он в последнее время не шибко интересовался. Хитренько прищурившийся Гира выразительно кивнул:

¹² жанр средневековой кургуазной литературы, а также светской – преимущественно одногласной – музыки.

– Во-во. Мы ж всё понимаем, Рад. Ты вечно где-то в облаках, а из живых тебя интересует лишь твой брат.

– Это... неправда? – возразил с сомнением отрок и вытаращился на снисходительно усмехнувшегося Орэндайля.

– Да всё нормально, Рад, – заметил тот с внезапно потеплевшей миной. – Он – герой, немудрено, что ты им очарован. Если б у меня был такой брат!.. В общем, девица Сэнатайн никому ничего не говорила. Но очень часто пропадала в мастерских. Ты был на оружейных практикумах, потому и не заметил.

Рад сокрушенно выдохнул. А Биртагир в задумчивости запустил пятерню в непослушные пшеничные вихры – шевелюра Гиры всегда напоминала помесь пучка соломы с ворохом кудели. И от вольного жеста не много потеряла.

– Да и ляд знает, что у них там в головах происходит! Поди разберись, – фыркнул Орэндайль авторитетно. – Князя вон, если сказам верить, тоже Жрицу не особо понимают. Да и не обязательно понимать!

– Ну, не знаю, – уклончиво пожал плечами совсем не убеждённый Рад. – Всё же странно, что она мне не сказала. Ещё этот Латарэт.

– А с ним-то что? – хмыкнул Орэндайль, пропуская гружёных корзинами слуг, сопровождаемых аж двумя солдатами при факелах и алебардах.

Странная процессия положенного удивления у юношей не вызвала. Рад слишком сосредоточился на размышлениях, а Биртагир, со свечу просидевший на балке, насмотрелся и не такого. Пришлые гистрионы из отважных, что рисковали появляться в Долине Олвадарани, размещённые где-то поблизости, таскали с собой инвентарь, вне постановок выглядевший откровенно дико и, порой, пугающе.

Адалин отмахнулся от своих мыслей – к чему ябедничать. Но Гира уже взял след.

– Если что, разговор короткий, – прикинул он нарочито свирепо. – Мы не в Стударме, менторы нас не разнимут. Вызов, и вся недолгая. А хочешь, просто ноги ему выдернем.

Рад укоризненно поморщился в ответ. Помнится, менторы воинственного Орэндайля тоже не слишком-то стесняли.

Королевский зал приёмов убрали к празднику и ярко осветили. Колдовские чаши и резные фонари с цветным стеклом источали благовонное мерцание.

Пышные охапки из королевских цветников венчали каменные вазы, пёстрые сладкоголосые птицы щебетали в тенётах позолоченных клетей. На деревянной галерее, опоясывавшей зал на уровне второго этажа, притаились музыканты, нежно пробовавшие струны в ожидании торжества. Бесценные драпировки и старинные гобелены услаждали глаз изящной красотой. Вербену и пахучий лапник разложили вдоль стен под резными лавками.

Радимир отметил изысканные платья и изящество манер степенно собиравшихся придворных, осанистых вельмож, прелестных Дам, гвардейцев Стяга и динстманнов. Поглядел на Сэнатайн с улыбкой. Упырица ответила непринуждённым наклоном головы. В узком венчике и мерцающей ажурной кисее, облачённая в зелёное платье с золотисто-багряной каймой, Аника напоминала лесную деву из баллады, жительницу полумифического Глемтскогена, вечно юную чаровницу, прикорнувшую среди цветов у ручья. Позумент браслетами охватывал предплечья, вился по несшитому с боков подолу верхнего платья. Принятая фибула радовала глаз.

Украшение предусмотрительная девица Сэнатайн приколола на груди, а наспех сочинённые вирши похвалила. Рад не поверил в искренность её слов, но благодарно улыбался.

Отрок наметанным взглядом определил среди пёстрой толпы вельмож тех самых, «всамделишных» менестрелей, прохаживавшихся взад-вперёд с лютнями, кротами и виелами. Приметил Орэндайля, шепчущегося в потёмках галереи с Горнардом. Уворованную из замковой

гирлянды лилию девица Стимбор изящно заткнула в украшавшую волосы сетку и выглядела счастливо смущённой. Аника тоже углядела парочку, но лишь сострадательно качнула головой. Радимир как раз собирался уточнить, чем вызвано странное выражение, не часто посещавшее личико курносой чародейки, когда звук труб затопил притихший зал.

Мастер Ритуала, предвараемый биричем Вэйдингом, пустился в пространные приветствия, витийствуя на все лады, превознося Её лучезарное Величество, Каменную Розу и Совет Высших, восславил троекратно Князей и милостивую Жрицу и объявил о начале празднества.

Музыка с галереи зазвучала громче, из разномастной, слепящей драгоценными шелками и аксамитами толпы придворных выплыли первые пары танцующих, оттесняя к стенкам не вовлечённых вельмож и дам. Выстроились сдвоенной колонной.

Радимир разглядел Янаръед Пирошиэль в роскошном лиловом туалете с алыми сполохами нижнего платья, мерцавшего в разрезах рукавов и несшитого подола. Нэарин Корсвиц в благородной терракоте. Аэлину Стимбор, одну из Дам, приближённых к Её Величеству, строгую матушку златовласой красавицы Горнард, в богато вышитом канителью наряде. Неподающему же блистал дорогим сукном кафтана и Тайрэль, старший её сын. Гордо расправив плечи, самодовольно усмехался Микэль Аэтлирэ, правнук почтенного кастеляна Розы. Безупречно подвитыми кудрями встряхивал молодой Эваль Лаэрвиль, при одном взгляде на которого младшему Адалину сделалось неловко: вспомнились оплавленные за Кромкой и теперь увязанные в хвост волосы, а ещё следы на физиономии, так до конца и не выведенные примочками.

Но Радимир предпочёл отмахнуться от непрошенных сравнений и с поклоном обратился к спутнице. Ани, тоже пробежавшая взглядом по толпе танцующих, сдержанно кивнула. И улыбнулась так светло и ясно, что у Адалина странно затрепетало в груди, а лицо точно хвостом огненного заклятья зацепило.

Чародейка с грацией берегини выпорхнула к дамам, замыкая ряд. После блеска и роскоши именитых упыриц её сдержанная, исполненная достоинства прелесть напоминала нежную жемчужину. Рад с трудом вспомнил, как именно следует обращаться с ногами. И, не в последнюю очередь, что их нужно переставлять, причём, желательно, не по сапогам соседей и расшитым дамским подолам.

Под легковесными, точно крылья небожителей из древних сказов, заморскими шелками, изукрашившими свод, процессия плавно покачнулась в такт чарующим разливам свирелей и флейт. Заблестели, заволновались узорчатые складки пышных тканей, вспыхнули самоцветы и меха. Мелодия затрепетала вкрадчивыми голосами лютен и виел, ускорила, а следом, послушные бархатному напеву, двинулись танцующие.

Радимир скользил среди пышности и великолепия, ароматных воскурений и цветов, прекрасной музыки и благородно-неподвижных лиц, точно во власти дивной грёзы.

Пары сходились и перемешивались, Сэнатайн, улыбаясь, грациозно оборачивалась, сверкала алмазами фибулы, алела лёгким румянцем и выглядела бесподобно. Лишь когда трубы загремели во второй раз и не к месту, забывшийся, как будто растворившийся в шагах и поворотах Адалин уловил странность, совершенно ускользнувшую от его внимания прежде.

Танец остановился.

Её Величества, князепосланной госпожи Долины Олвадарани, блистательной владетельницы Каменной Розы, прекрасной Айрин Равнсварт не было в зале. Мастер Ритуала объявил о начале праздника в отсутствие той, кто почиталась тут хозяйкой.

Процессия разомкнулась в два ряда, образовав коридор коленопреклонённых вельмож и присевших дам.

Радимир почувствовал, как бросилась в лицо кровь: он даже не заметил. Восхищаясь пышностью убранства, размышляя о Сэнатайн, Биртагире, опалённых волосах – он просто не обратил внимания. Выходит, Гира прав: он вечно витает где-то в облаках.

Королева Айрин, с головы до пят окутанная тёмным шёлком и тончайшей паутиной кружев цвета ночи, плыла среди подданных в сопровождении скромной свиты.

Князепосланную госпожу сопровождали трое: Канцлер Двора мессир Хэминд Тэрглофф, сухощавый, неизменно улыбающийся вельможа в тёмном же, непритязательном кафтане и подбитом сободем лиловом корзне, сенешаль Талайбрин Стрэлэнд, Старший Приказ Её Величества, узкоплечий, с орлиным носом и холодными глазами, да ещё Меч – командующий Лучистым Стягом – Инэваль Аманир. Все трое выглядели мрачно. Как и сама королева, укрывшая лицо иссиня-черной кисеёй.

Венкэль Валдэн и Тивадар Латарэт, Первый и Третий Советники соответственно, выскочившие точно из-под пола в устье живого коридора, почтительно согнулись в поясных поклонах.

Рад, с перепугу чересчур внимательный, удивился, не досчитавшись среди осанистых вельмож мессира Гуинхаррэна, Второго Советника Её Величества.

Миледи Айрин, напоминавшая безутешную вдову, неторопливо проплыла по залу среди обмерших придворных, остановилась возле пышно обрамлённого цветами резного кресла, изображавшего здесь трон, обернулась и сложила у груди хрупкие, блестящим шёлком многослойных рукавов окутанные руки.

Радимир затаил дыхание: он чувствовал беду.

Бледный лик королевы едва просвечивал сквозь кружева накидки. Даже тонкий обруч венца как будто отливал смолой и пеплом. Госпожа Каменной Розы не поднимала глаз от пола. А Рад, не слыша труб и возгласий бирича, вглядывался в смутно различимые черты. И отмер он лишь на словах «измена» и «позор», что поползли по разодетой толпе змеиным шепотком. «Измена».

Отрок стиснул кулаки – ладони предательски вспотели, а ногам вдруг стало подозрительно легко.

Королева властным жестом оборвала взметнувшееся вороньём волнение. По-прежнему не поднимая потупленных очей, Айрин заговорила тихим и печальным голосом:

– Сегодня, в радостный день верности и чести, когда молодые подданные принесли мне священные обеты Гоминиума и приняли знак, Великим Князьям и Милосердной Жрице угодно было раскрыть подлость, угнездившуюся у самого подножия моего престола. Проявить чудовищную язву, поразившую Совет, и обнажить предательство, вероломство и низость. И я благодарю Великих Князей за своевременное озарение, а Жрицу – за милостивую возможность искоренить очаг скверны, вытравить заразу, предваряя страшные последствия...

Радимир ошеломленно заморгал. Чёрные разводы кружев, покрывавшие лицо – дивной прелести маску неизбывной грусти, – двоились и как будто оживали. В этот миг младший Адалин, не задумываясь, зарубил бы негодя собственноручно, стоило ей – прекраснейшей из королев – лишь указать предателя и подлеца. Несомненно подлеца. Ведь кто ещё дерзнул бы обмануть доверие столь совершенного создания.

Айрин вела рассказ, будто выплетала жуткий, заволаживавший подданных узор. И ярость клокотала в сердце Адалина обжигающей смолой. Дивноокая владычица долины, как волшебная королева в балладах менестрелей, столкнулась с неземным коварством.

– ...его ближайшие приспешники, долгое время по наущению его вредившие короне, порочащие Трон и Долину, будут взяты под стражу немедленно и казнены...

Имена ошалевший Радимир знал, помнил лица или родовые знаки. И отроку казалось, будто, произнесённые, они с шипением оседают внутри слоём негашёной извести.

Зеран Милэдон, Даэриг Дормэрсет, Ирмэт Вардау, Андэйл Фарбет, Гристоф Блодвэн... страшный перечень всё не кончался.

А замыкали его несколько совсем юных подданных, пока ни в чём не обвинённых, но бдительно принятых «под присмотр» в связи с озвученными подозрениями. И среди них –

удар, на миг выбивший дыхание из груди – самый младший Джебрик. Беспечный балагур, способный одним своим присутствием свести на нет любую ссору. Он часто заезжал в Стударм. Подсовывал Раду гостинцы, то от «стариков», то от брата. Улыбчивый Корнэль. Адалин до боли закусил и без того истерзанные губы.

– Изменник заключён под стражу. За былые заслуги перед королевством и в связи с оказанным правосудию вспомоществованием смертная казнь для него будет заменена пожизненной ссылкой в Северные Башни с лишением всех титулов и бенефиция. Домен предателя Каменной Розы перейдёт в собственность короны. Фамильный знак будет сожжён, а род предан забвению.

Вельможи, застывшие с окаменевшими лицами, безмолвствовали. Дамы, кажется, едва дышали, не смея поднимать голов.

Мелодичный голос королевы всё журчал многозначительным, взыскующим напевом, взывал к возмездию, хотя говорила дивноокая владычица Олвадарани о благодарности, о милосердии и любви. И, наконец, о празднике.

Повелительница Каменной Розы просила прощения – мыслимо ли это? – у юных подданных, чей светлый день столь вероломно омрачили. Гвардейцы в ответ грянули здравицу, зашумели, прославляя госпожу. А оглушённый Радемир продолжал стоять посреди загомонившей залы, пока рядом ни возникла мягким, вкрадчивым привидением заботливая Сэнатайн.

Глава 7. Кромка

В ночной тиши треск смолистых брёвен внезапно отделил вкрадчивый и неприятный звук. Как будто копошились тысячи обеспокоенных жуков, перебиравших занозистыми лапками по панцирям бесчисленных собратьев.

Упырь выждал пару вдохов. Тварь у костра неспешно повернула чёрный зев колеблемого незримыми ветрами капюшона:

– Не лезь, Кромешник, – просвистело существо. Сухой клёкот, вибрировавший в пустоте шаперона, прокрадывался прямо в потроха, связывал их холодными узлами. – Он всё равно одной ногой за Кромкой.

– Что это? – прохрипел Зеран.

– Какой-то глупый дух, – с ледяной усмешкой отозвался Адалин, медленно вытягивая саблю. – Приблудился с Кромки.

– Я... я его вижу, – возмутился Милэдон.

Тварь засвиристела. Вислые края капюшона шевелились всё быстрее. Густая тьма сочилась в явь волосьями утопленниц.

Костёр взорвался ярь-медянкой, полоснул сосновые стволы прозрачным лазуритом. Данимир вскочил. Одновременно с ним взвилось в прыжке и тощее создание. А небо крутанулось посолонь.

Отставной командир Прихоти вовремя откатился в сторону из-под загребущих пальцев метнувшегося через огонь чудовища. Капюшон растаял лентами, обнажив вытянутую башку, осклизлую и белую, напоминавшую мясных червей, что пожирают падаль. Зеран полоснул тварь кинжалом снизу и отскочил, хотя не мог пошевелиться. Данимир ударом сбоку отбросил существо от тела командира, оставшегося в одеяле у позеленевшего костра. В искристом многоцветье чуждых небес горели уже знакомые зарницы. И воздух пах не хвоей и смолой, а терпким мёдом и колючим разнотравьем.

Упырь ударил саблей, рассёк опрелый бок кромешной твари. Та в ответ раззявила коричневые жвала, блестящие остриями пик.

Истошный, жуткий вой, исторгнутый созданием, уложил траву на дёрн и пошатнул деревья. С чёрных скал поднялись на крыло неузнанные страховидла. Милэдон выхватил головню

из костра и наудачу ткнул в чудовище. Создание зашипело и плавно откатнулось вбок, ушло из-под удара. Данимир закрутил саблей, подступился к внезапно зыбкому врагу. Погань то теряла плотность, то вновь загустевала. И потихоньку подбиралась к бесчувственному телу Милэдона.

– Отдай его, – провыло существо.

– Иди в Заземье, – огрызнулся Адалин. Сабля вошла в седую плоть без сопротивления, как в гнилую воду. Плеснуло чернотой.

Коричневые жвала хватили воздух вхолостую.

Данимир отсёк безликий вырост на месте головы создания, нащупал на груди охранный периапт кудесника из Армандирна. Яр'Берир – странствующий чародей и рыцарь-змееборец, – поднаторел в истреблении чудовищ, а на досуге не брезговал поторговать диковинами из-под полы. Но периапт «драконье око» он Данимиру честно проиграл и очень о том сокрушался. Теперь же «око» послушно озарило притихшую окрестность вспышками небесного огня, спалив остатки твари и просветив обескураженного Милэдона, как шёлковую простыню.

Зеран обмер, уставился во все глаза на собственное тело, укутанное одеялом у всё ещё зелёного костра. Медленно перевёл взгляд на Упыря. Тот, брезгливо отирая саблю плащом, тяжело вздохнул.

– Что происходит? – выдал Милэдон, несмело приближаясь к собственным останкам.

– Кромка, – коротко ответил Адалин. – Ты... только что оставил бранный мир.

– А это что?

Упырь взглянул на призрачные ноги командира, в посмертии вернувшего былую стать. На голених повисли несколько обсидианово блестящих, исходивших ржавым дымом пиявиц в полторы пяди каждая. Раздутые веретёнами тела пульсировали, разъявленные пасти жадно прогрызали плоть. По бледной коже Милэдона ядовитыми слезами тёк изжелта-серый гной.

– Хм, – Данимир потёр колючий, потихоньку зараставший подбородок. – Причина твоих бед с ногами. Полагаю, творение рук придворных палачей.

– Они жрут меня! – возмутился Зеран.

Упырь кивнул. Бывший командир завис над телом. Прозрачные сияющие нити ещё соединяли плоть и дух.

– Что ж, я теперь Кромешник, – подумал вслух Адалин и мрачно улыбнулся изумрудному сиянию чужих небес. – Ты не уйдёшь за грань.

Милэдон недоверчиво пожал плечами, попробовал стряхнуть пиявок сам. Данимир жестом велел ему остановиться. Обогнул костёр, шурша подошвами по зыбкому песку, что змеями скользил среди то исчезающей, то возникающей вновь осоки и белых, окатанных до слюдяного блеска маленьких камней.

– Беггервран из Драб Варьяна говорил, – начал Упырь негромко, опускаясь на корточки у полусгнивших ног, – что любой недуг можно излечить, отделив его зерно, договорившись с духом. Выходит, ведун был в чем-то прав. – Он поднял голову и взгляделся в полупрозрачное суровое лицо. – Зеран, будет очень больно. Я верну тебя обратно и сожгу «болезнь». Но...

Командир понятливо кивнул и стиснул пепельные губы.

Данимир вытащил из-за голенища нож, на пробу кольнул одну из разжиревших тварей остриём. Та на мгновение отлипла от ноги, неловко извернулась и жутко зашипела круглой, унизированной отравленными иглами зубов, зловонной пастью. Упырь лишь крепче стиснул «око» в шуйце: подобного он прежде не видал, но в Драб Варьяне присутствовал при «исцелении». И теперь надеялся, что правильно всё понял и запомнил.

Шаманы чаще «уговаривали» духов курениями, заговорами и трещоткой. А заблудившиеся в Кромке души выводили из лабиринта снов на свет костра. Но теперь, под малахитовыми небесами, среди слоистых кос ползущего со дна долины серого тумана, Данимир сильно сомневался, что ему поможет погремушка.

«Око» в ладони закрипело первыми, пока лишь щекочущими плоть зарядами пленённых молний. Милэдон судорожно вздохнул... и канул в слепяще-белой вспышке небесного огня. Не ожидавший столь выразительного светопреставления Адалин отшатнулся и чудом сам не упал в костёр. Зелёные зарницы танцевали в небе. Седое иномирье всколыхнулось, туман отпрянул, а в отвесной черноте окрестных скал зажглись цветные жилы, засветились нанесённые неведомой рукой рисунки, знаки и черты...

Очнулся Данимир на краю прогалины у обожжённого соснового ствола. Ночная мгла приятно остудила кожу. Костёр, едва тлевший в полутора саженьях, мрак не разгонял, а звезды схоронились за войлочно-густыми облаками. Но Упырю эта тьма, прозрачная, знакомая, родная, вовсе не мешала.

Зеран вытянулся на одеяле, бледный, заметно подпечённый, но живой.

– Выходит, ты смирился? – усмехнулась рядом уже привычная отрубленная голова.

– Надоело вас хоронить, – отозвался Адалин, с трудом приподнимаясь.

Поземыш, спрятавшийся от безликой твари на седле, шмыгнул к хозяину и вскарабкался под плащ. Дух одобрительно всхрапнул, измученные лошади укоризненно фыркали и тихо, тонко ржали.

– Трогательно, – Валтар рассмеялся. – Ты громко объявил о себе сейчас, Кромешник. Жди теперь ещё гостей. И... проведай тогда уж Голоземье.

Сумеречный лес затаился подстерегающей добычу рысью.

В скрипучих, голых по весне ветвях скользили пепельные тени. Свет луны – тот ещё предатель – обращал рошу в призрачное навье царство.

Выжлецы, губошлёп Элько и плешивый увалень Жигода, помалкивали и заполошно озирались. Рагва светил себе оранжевым огнём, летящим у плеча. Вадан только слушал, пытаясь уловить дыхание леса, напев, что ни с чем не спутать. Но сама земля тут будто бы погибла. Сгнила до срока.

– Упыриный мор, – сердито плюнул на сторону Элько.

Вальфэ давно понял, что тот боится тишины. И только улыбнулся в кисельном мраке гиблой роши. Скрип веток под неосторожными шагами этих дуболомов, сопение и недовольное, уже почти испуганное бормотание тонули в липкой тишине. «Упыриный мор» делу не помог. Рагва что-то буркнул. Горазд помянул Яруна.

Псы Иргибы присмирели, поджали куцые хвосты и явно собирались драпать со всех лап при первой же оказии.

Урочище – вот слово, приходившее на ум в оглохшей ночи.

Давненько упыри не собирались такими стаями посреди равнины. Почитай, в самом сердце человеческого царства. Не на проклятых болотах и гиблых пустошах, а тут, среди мирных, не запачканных скверной людских дубрав и буковин к западу от Сердаграда. А Рагва всё не желал оповестить Сартан.

Под сапожищем Жольта оглушительно сломалась ветка, так что здоровяк покрепче перехватил буздыган, а Рагва, выцедив ругательства сквозь зубы, навесил ещё несколько огней. В колдовском свете Вадан быстро осознал ошибку. Хрустеть так ветки не умели. Отряд шёл по ковру из кое-как обглоданных костей, припорошённых бурой опадью и мхами. Свидетельство обильных нечестивых пиршеств Линтвара наконец-то убедило:

– Об этом стоит написать в столицу...

Вальфэ успел лишь хмыкнуть. Справа, по-бабьи тонко, возгласил Элько. Рагва широко отмахнулся колдовской волной, заодно с упырями опрокинув пару чахлах деревцев, дававших им укрытие. Твари, ломко выбираясь напрямиком из-под земли, клацали железными зубами, тарасились светящимися зенками и неистово рычали. Жигода выдал что-то вроде боевого клича. Горазд уже размахивал огромным топором. Но против полчища голодных навий им

было бы не устоять. Вадан мельком глянул на Линтвара. Рыжий явно пришёл к схожим выводам. Метаемые силой мысли вязы наносили больший вред отравленному лесу, чем колченогим плотоядным мертвецам.

Вадан закрыл глаза, не желая видеть, как умертвия сожрут их небольшой отряд: «Ар Рэго, князь князей, отвори мне путь. Пошли на помощь...» – он не успел закончить. Врата распахнулись сами. Истончённая, отравленная грань охотно отворила иномирье.

Вот загорелся фиолетовым огнём топор могучего Горазда, а сизый дым увенчал рогами бритую макушку. Вот Элько ликующе возвысил голос и перначом расшиб умертвию башку, врубился, бешено вращая булавой, в клочущую прорву. Добродушный Жольт оскалился, отбросил буздыган и принялся рвать упырей голыми руками. Линтвар скручивал само пространство, а в голове на миг оторопевшего имтильца полыхнуло чернотой, и низкий, страшный голос сказал короткое «Вай-ирэн арг» – «повелеваю убивать» на древнем языке.

Мрак затопил упырий лес. Вальфэ оцепенело наблюдал, как рубит, рвёт, сжигает и ломает полуистлевших чудищ, исходящих прахом и коростой, тот пришелец из-за Кромки, что занял его место. Как отрывает головы, проламывает грудные клетки, испепеляет чёрно-огненным прикосновением зловонные сердца. Как одержимый Линтвар в исступлении выкрикивает слова призыва. И княжеские слуги всё большим числом просачиваются в явь.

– Во славу Ар Рэго! – вопль вырвался из его глотки, но принадлежал он другому и ошпарил жидким оловом гортань.

Наверно, Линтвар знал.

Ллакхар из древней и влиятельной семьи, из первородных колдунов, что сошли с утёсов, не мог не заподозрить одержимость, не мог не ощущать последствий в собственной душе. Вадан раз за разом запускал им в головы слуг Ар Рэго, того, за почитание которого по законам Миридика полагалась смерть; кого не смели вслух прославлять даже в Шаа-Дане; чьи святилища и Дымные круги разрушили и осквернили по велению Сартана, а жрецов распяли на столбах вдоль побережья от Ставмэна до западных отрогов; чьё имя предали забвению столетия назад.

Ему, проклятому колдунами богу, обязаны победами и «хлопцы», и Линтвар.

Самообладание вернулось к Вадану лишь днём, когда чудовищная сила утолила ратный голод, а присутствие под сводом черепа сменилось умиротворением и тихой благодатью.

Лес догорал. Кромка затворилась. Рагва с Гораздом и Элько вломились на хутор углежогов, выловили трёх перепуганных, снулых парней и девуку. Таких в народе кличут остроколыки. Свободные вампиры, что обыкновенно живут в Коммуне за Туманным Кряжем. Жольт с Жигодой добывали упырей. Линтвар велел привязать добычу к жердям забора.

– Зачем вы создавали еретников? – надав сапогом в лицо сутулому чернявому мальчишке, на вид едва разменявшему шестнадцать вёсен, спросил со злостью рыжий.

Вампир выплюнул осколки зубов, вполне обыкновенных, разве что чуть крупноватых, испачкал гладкий подбородок грязно-бурым. Запавшие глаза горели, но не ненавистью или безумием, а чистой лихорадкой. Его белокурый соплеменник что-то зашипел, бессмысленно тряс башкой. Грязные и болезненно-худые, все четверо не походили на создателей армии оживших мертвецов.

– То не мы! – прохрипела девушка. – Еретники пришли... с северо-востока. Мы прятались от них. С седмицу ничего не ели и не пили!

Элько тоже пнул в лицо, только упырицу. Девчонка даже не смогла толком увернуться, вскрикнула и захлебнулась.

Вадан подошёл к Линтвару:

– Она не врёт.

Рыжий угрюмо сдвинул брови, критически осмотрел разворошённый хутор, следы бессмысленных, тупых атак нежити и тощих отроков, привязанных к забору. Элько методично бил девчонку. Привлечённый криками Жигода с ухмылочкой остановился рядом посмотреть.

– И что? Они остроклыки, без нормальной пищи одурели. По закону мы должны их сжечь, – пробурчал ллакхар.

– Мадьяна, – вдруг захныкал самый шуплый. – Мадька! Больно!

– Молчи! – простенала отроковица, выплёвывая кровь.

– Тут ещё двое! – крикнул Жольт с крыльца большой избы. – Мужик да баба, колодезными цепами привязаны в подвале. Еретники, выродившиеся упыри. Лишились разума.

– Мадьяна! – дико заорал маленький вампир, срываясь с привязи. Да так, что выдернул сам себе руку из плеча. Треснула испачканная крашенина, бело-розовый обломок кости торчал из порванного рукава.

Ударом топора Горазд рассадил ему кудрявую башку.

Вальфэ чуть посторонился, стёр брызги тёмной крови с побелевшего лица:

– Рагва, – прошипел имтилец тихо, понимая, что не должен говорить. – Ты знаешь, что здесь было. Оставь детей в покое. На них самих напали упыри.

– Это упыри, Вадан, – вздохнул мрачно Линтвар. – Ты видишь, старшие уже рехнулись. Мы должны всех сжечь.

– А эту красотулю? – Элько дёрнул за волосы избитую, клацнувшую обломками зубов девчонку. – Ведь надо ж что-то комиту явить, а, Рагва?

– Заберём её в обоз! – жестоко ухмыльнулся липкими губами сопящий в предвкушении Жигода.

Глава 8. Новая игрушка

– Рад, ты побледнел... Ты дышишь?

Юноша, чего греха таить, красотой превосходивший иных придворных дам, бестолково заморгал. Растерянное выражение лица превращало младшего отпрыска семейства Адалин в долговязого ребёнка с огромными глазами. Зрелище странное и завораживающее. Но прокомментировать его Сэнатайн не успела. Из разряженной толпы вынырнул сердитый бирич Вэйдинг с приклеенной улыбкой на узеньких губах. И приказал «юному Адалину» следовать за ним.

Оставшись в одиночестве, Аника усилием воли водворила на лицо подобающее выражение беспечности, осторожно скользнула к облицованной деревянными панелями стене и пристроилась подле очередного цветочного постамента в тени раскидистых лопухов, которые местные садоводы отчего-то нарекли цветами. Чудесный плод совместного творчества обитателей Чертога, не иначе, невозбранно сливавших под те кусты реагенты магических декоктов, и нерадивых садовников, того не запретивших, поражал как чудовищными габаритами, так и удушающим ароматом, перекрывавшим даже замковую гниль.

Снова взвыли трубы, заголосил велеречивый Мастер Ритуала.

На сей раз праздник «открывала», возглавив танцевальную процессию, сама князепосланная. И посему, очевидно, действие следовало начать с начала. Как бы глупо это ни смотрелось. Аника старательно запрятала ироничное недоумение и наблюдала за происходящим почти без выражения. В отличие от Радимира, она в иллюзии впадать не любила.

– Сердитый у тебя вид, – под «лопухи» проник, миролюбиво улыбаясь, маленький Тидмир.

Визэнд отличался похвальной уравновешенностью. Во всём, вплоть до булавок. А ещё сразу подмечал творящееся под носом безобразие в самом зачатке. Так что перед ним Аника

не собиралась притворяться, и даже разыгрывать роль «отроковицы-глупышки», избранную для выживания среди вельможных отпрысков.

– Известия не слишком радужные, – коротко откликнулась она, не глядя на вампира.

Визэнд пожал плечами:

– Преступники пойманы и ждут заслуженного наказания. А Её Величество не желает омрачать день Гоминиума, – заметил он и рассеянно щипнул ус дикого винограда, обвинившего постамент.

– Я обратила внимание, – мрачно усмехнулась на плывущую в танце пару Ани.

Проследив за её взглядом, Тидимир понятливо прищёлкнул языком:

– А, вот в чём дело. Ну, тому может быть масса объяснений, – пользуясь отсутствием Радимира, Визэнд щекотливой темы решил не избегать. – Например, узы родства. Она ж ему почти невестка...

Шутку Сэнатайн не поддержала и надменно вздёрнула точёный подбородок:

– Вообще-то, у неё есть законный муж. А шашни со старшим Адалином называются...

– Ш-ш-ш! – прижал ладонь к губам предусмотрительный Тидимир и, проворно оглядев-шись, соорудил примирительную мину: – Что на тебя нашло? В стенах Розы! Да и вообще... Радимир – Лучистый гвардеец, едва Ей присягнувший. С кем ещё танцевать Её Величеству?

– Да пусть танцует, с кем хочет, – тихо огрызнулась Сэнатайн. – Хоть с этим гербарием, – чародейка брезгливо дёрнула омерзительно жирный розан. – Вот не пойму, все вокруг ослепли, что ли? Я одна вижу, что происходит?

– А что происходит? – развеселился Тидимир, облокотился спиной о стену и выжидательно зыркнул на подругу. – Её Величество открыла праздник об руку с юным гвардейцем Лучистого Стяга. В этом году твой Радимир – звезда присяги, успешно и с блеском прошедший Трэйя Атрамб. Чему ты удивляешься?

– Как обычно, слабоумию окружающих, – откликнулась Ани. – К слову, ты заблуждаешься, если считаешь, что причина моего раздражения в этом.

– А в чём? – Визэнд наконец оставил раздражающую ироничную манеру. Вздохнул и неожиданно посерьёзnel. – Тебя, что, так взволновала судьба мессира Гуинхэрэна, бывшего Второго Советника Её Величества? Или кого-то из его «подручных»?

Аника брезгливо передёрнула плечами, одарив отрока мимолётным, но выразительным взглядом. Голоса она не повышала, и чопорному Визэнду пришлось придвинуться, дабы слышать за нараставшим музыкальным многоголосьем суровый, никак с невинным личиком не вязавшийся шёпот:

– Это представление. Умелая игра эмоциями и чувствами узревших, начиная с опоздания и заканчивая нарядом. И этим треклятым танцем. Вся эта чарующая лучезарность, хрупкость и трепетность – лишь напускная позолота, пудра. Она же просто притворяется...

– И что в этом плохого? – удивился, приглядываясь к ослепительной парочке, Тидимир. Рад, кажется, едва сознание от счастья не терял.

– А ты подумай. – Аника и прикусила ноготок. – К чему эти игры? Что она прячет?

– Ну-у-у, – задумался вампир. – Она же Королева...

– Отличное оправдание, – ядовито похвалила Сэнатайн. – Крайне разумное. И всё объясняет.

Визэнд покраснел, что с ним, в отличие от Адалина, случалось редко. Но ответить не успел. Из пёстрого скопления кисейных волн и златотканых шлейфов возник зеленоглазый Тринимар. В богато вышитом кафтане, блестящий и надменный, как начищенный самовар. Большинство сегодняшних «героев» выглядело так. Под стать Князьям. Разве что не по небу катались, а по залу шествовали.

Новоиспечённый чародей, в силу привычки, хотя бы не напоминал переодетого для смеха челядинца. Его по-кошачьи наглым глазам и самодовольной усмешке, не покидавшей точё-

ного лица, хворь, спесью в народе прозванная, придавала даже оттенок благородства. Сэна-тайн, детство по местным меркам проведшая чуть не в сарае, воспитанная старухой-ключницей, Доротой, заодно и кашеварившей на всё семейство, премудрости народной не забыла. Только скрывать ту научилась – а зачем лишний раз умом хвастаться перед чванливыми, не всегда сообразительными, зато плотоядными отроками, что ржи от осота не отличают и овцу с козой путают? И премудрость та над излишней гордыней потешалась, а заодно учила её разумно пользоваться к взаимному удовольствию сторон.

Лощеный Мар стал тому достойным подтверждением. Заметив взгляды, кидаемые именитым отпрыском, Сэна-тайн смекнула, к чему это безобразие приспособить. Неторопливо, исподволь, Латарэт приучился оставлять высокомерие для других соплеменников. А к курносой чародейке, по непонятной ему прихоти чередовавшей кнут с пряником, обращался почти с трепетом. Что Анику устраивало. До поры.

Юный Латарэт изящно поклонился:

– Могу ли я надеяться на следующий танец?

Сэна-тайн, придержав так и просившееся на язык ехидство, любезно улыбнулась.

Тидимир понятливо отлип от резных панелек стенки и закрутил головой:

– Пойду Оддрун найду. Может, дед её уж отпустил.

– Ты пригласил Огненную Оддрун? – непритворно изумилась Аника.

Рыжую бестию Рангвалей, почти безраздельно заправлявших рудниками Лунного Кряжа, сверстники разумно опасались. Броская, чуждая вымороженной, исходившей туманами Долине красота больше настораживала, а уж дикий нрав и вовсе пугал. В отличие от поскакушки-Одри или той же Горнарда, Сэна-тайн не была в классическом смысле красивой, скорее хорошенькой и миленькой, что, в конечном счёте, оказалось куда выгоднее. А ещё она была умной. И потому сформулировала вопрос именно так.

Визэнд моргнул, поджал аккуратные губы. Тринимар, которого никто не зазывал принять участие в разговоре, ухмыльнулся:

– Она согласилась?

Маленький Визэнд, поглядев на заносчивого соплеменника, неожиданно усмехнулся в ответ:

– Представь себе, – и, поклонившись Ани, удалился, гордо расправив узкие плечи.

Аника тепло улыбнулась. Одри, та ещё любительница пышных драм, могла вытрепать рассудок и верстовому столбу. Чего уж говорить о воспитанном, тактичном и, как давно подозревала Сэна-тайн, по уши «заинтригованном» Визэнде.

Латарэт фыркнул, однако, хвала Князьям, от комментариев удержался. Раздосадованная чародейка вряд ли сейчас смогла бы за себя поручиться.

Мар заложил руки за спину и задумчиво разглядывал тканые пологи, спеленавшие зал. В своём кичливом кафтанце он выглядел заезжим царевичем. В отличие от младшего Адалина, тоже до броских облачений охочего, Тринимар руководствовался понятиями иного толка, не исключавшими честолюбивой смётки. При дворе Её Величества, к вящему прискорбию скептической Сэна-тайн, встречали, а иногда и прочие взаимодействия выстраивали по одежке. Не мудрено, что отпрыск Латарэтов, семейства почтенного, где за Хозяина выступал сам Третий Советник Её Величества, шеголял на празднике столь богатым платьем. Позволить себе откровенное пренебрежение предпочтениями двора мог разве что Радов братишка, зарекомендовавший себя опасным сумасбродом и строптивцем, задирать которого опасались даже державные мужи.

Зелёные глаза новоявленного чародея сощурились:

– Сегодня госпожа особенно прелестна. Изумруд, алмазы и бархатный румянец.

– Сравнение, достойное трувера, – покладисто затрепетала ресницами Сэна-тайн.

Разумеется, платье её было далеко не изумрудным. Этот зелёный оттенок, один из самых распространённых и не слишком дорогих, в красильнях отца назывался совсем иначе. Как именно, Аника предпочла не вспоминать. Ну а «бархатный румянец», вообще говоря, больше настораживал.

– Так... следующий танец за мной? – галантно напомнил Латарэт.

Ани вздохнула. Требовалось внести некоторую ясность.

– Мар, я пришла с Адалином.

Чародей поморщился, нахмурил соболиные брови:

– И что? Я отчего-то не заметил, чтобы он особенно усердствовал угодить своей даме.

Вместо этого твой кавалер развлекает Её Величество.

– Кажется, в этом и состоит долг Лучистого гвардейца, – мрачно пошутила Аника. Танцевать ей не хотелось. А Тринимар, судя по заплясавшим в глаза – ну да, ну да, изумрудных – дурковатым огонькам, что-то надумал. И это «что-то» Сэнатайн начинало беспокоить.

Латарэт придвинулся поближе, невзначай склонившись к девичьему виску. Голос упал до вкрадчивого шёпота, убедительного во многом потому, что упырица не ожидала ни подобной прямолинейности, ни панибратства:

– Послушай, Ани. Ты же знаешь всё. Я никогда не скрывался. Зачем тебе этот... Адалин? – фамилию юный чародей выплюнул с таким презрением, что хищным розочкам над ними полагалось тут же скукаться под впечатлением. – Связываться с их семейством – опасно. При дворе разные слухи ходят. Им можно и не верить, только батюшке моему врать нет резону: старший Адалин в своё время со скандалом помолвку разорвал, от невесты отказавшись. И до сих пор ни с кем себя узами не связал, потому как вещь Её Величества. Ну а теперь... взгляни: кажется, наша госпожа заметила себе новую игрушку. Не трать время попусту.

– И всё ради танца? – усердно заморозив на лице выражение небрежной придворной ласки, уточнила Сэнатайн, очень стараясь не скрипеть зубами. В словах нахального чародея, как всегда, были и смысл, и расчёт. И правда. Неприятная, злая правда.

Тринимар так же мягко рассмеялся, не думая отодвигаться:

– О нет. Мои цели куда интереснее...

– Прошу прощения?

Аника, глазки долу опустившая, чтоб пронизательный чародей в них не углядел того, чего ему знать не полагалось, проворно оглянулась. Тон, подчёркнуто вежливый, и лёгкое, едва слышимое рычание на уровне полутонов, промелькнувшее в голосе, заставили её подобраться.

– Могу я продолжить танцевать со своей спутницей? А мессире Латарэту предложить вернуться к своей, – Радимир, несмотря на общую бледность и не схлынувший до конца восторженный румянец, вызванный высочайшим вниманием, смотрелся неожиданно сурово. Семейное сходство с братом давало о себе знать. Светло-карие глазищи младшего Адалина потемнели и шалым выражением вполне годились стращать челядинцев, а то и рати иноземные испепелять. Но да Латарэт, избравший ремеслом чародейство, испепеляться так запросто не желал. Сверкнул нахальной усмешкой и выпрямился:

– Полагаю, покинув «свою» спутницу в самом начале праздника, мессир Адалин утратил её расположение. И привилегию требовать чего-то тоже. Так что это я предлагаю мессире впредь не досаждать госпоже Сэнатайн и вернуться... хм, куда ему будет угодно. Хоть к Тёмному Князю в бездну.

Аника оцепенела от неожиданности, уставившись на двух юнцов, вздумавших сцепиться на королевском празднике. Из-за того только, потеряв от записной глупости дар речи, промолчала, не успев предупредить закономерный ответ.

Да, Радимира считали безобидным. И добрым. Потому что младший Адалин действительно был добрым и безобидным. Понимающим, улыбчивым, каким угодно. Только, кроме того, рыцарскими балладами, сонетами и прочими творениями непоротых менестрелей

вскормленный, он был Лучистым. Задолго до Вызова, принесения обетов и остальной чепухи. То есть, на вкус рассудительной упырицы, – загодя бесстрашным на всю голову, без малейшего проблеска чувства самосохранения.

– Я тебя вызываю, – не сморгнув, отчеканил Адалин. – Выбирай: клинок или чары.

– Да угомонитесь вы, – совладав с перехватившим горло ужасом и скользнув заплывшим взглядом по толпе пока безучастных вельмож, зашипела упырица. – Это невыносимо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.